

Александр Следков

РУБЕН
ОЛЬГА
АННА
РУСУДАНА

Александр Следков

**РУБЕН
ОЛЬГА
АННА
РУСУДАНА**

Страга
Санкт-Петербург
2020

УДК 929
ББК 72.6
С47

Следков А. Ю.

С47 Рубен — Ольга — Анна — Русудана/Александр Следков. — СПб.: Страта, 2020. — 154 с., илл.

ISBN 978-5-907127-97-5

В книге, созданной на основе архивных материалов, дано жизнеописание Рубена Абгаровича Орбели — юриста, теолога, историка науки и археолога, чья деятельность остаётся мало известной по сравнению с биографиями его младших братьев, академиков, физиолога Л.А. Орбели и востоковеда И.А. Орбели.

Вторая часть книги посвящена жене Рубена Абгаровича, Ольге Владимировне Никольской, её племяннице, писателю Анне Борисовне Никольской, и дочери, Русудане Рубеновне Орбели.

Хронология описываемых биографий охватывает более чем полуторавековой период и отражает цепь событий, происходивших в стране и оказавших трагическое влияние на судьбы героев повествования и членов их семей.

Издание приурочено к 140-летию со дня рождения Рубена Абгаровича и 110-летию со дня рождения Русуданы Рубеновны Орбели.

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельцев.

All rights reserved. No parts of this publication can be reproduced, sold or transmitted by any means without permission of the publisher.

УДК 929
ББК 72.6

ISBN 978-5-907127-97-5

© Следков А. Ю., 2019
© ООО «Страта», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 4

Часть первая

РУБЕН 7

Происхождение 9

Братья 23

Учёба и начало работы 32

Свободный христианин 39

После революции 48

История водолазного дела и гидроархеология 56

Эвакуация и смерть 73

Часть вторая

ОЛЬГА — АННА — РУСУДАНА 79

Ольга 81

Анна 111

Русудана 135

Сопутствующая литература 152

ОТ АВТОРА

Решение написать этот иллюстрированный текст возникло спонтанно, когда я уже находился в том возрасте, в котором человеку скорее нравится наблюдать за окружающим миром, нежели пытаться, хотя бы в мизерной степени, его дополнить, изменить или преобразовать.

Работать над данным материалом я не планировал и некоторое время даже сопротивлялся возникшему замыслу, поскольку ранее специализировался в области физиологии, а затем — истории водолазных погружений и, если и имел какое-то право на освещение жизнедеятельности кого-либо из представленных ниже людей, то им мог быть только Рубен Абгарович Орбели, да и то лишь с профессиональной точки зрения. А поскольку в работе под названием «Очерки истории водолазного дела» я посвятил ему и его окружению не только отдельную главу, но и многократно упоминал о них по ходу шеститомника, то особого смысла интерпретировать написанное не имело.

Личность Р.А. Орбели, оставшаяся, кроме узкого круга осведомлённых, практически неизвестной даже после опубликования единственной из написанных им книг — «Исследования и изыскания», из-

данной посмертно и составленной из законченных и незаконченных статей и их фрагментов, раскрыла для меня его внука, Ольга Алексеевна Мандрыка, от которой мне довелось узнать и о религиозной деятельности Рубена Абгаровича. Информацию эту я опубликовал с упоминанием, что часть дедовского архива была передана ею в издательский отдел Московской патриархии иеромонаху Иннокентию (в миру — Анатолий Иванович Просвирнин), почившему в 1994 году.

Однако через одиннадцать лет после смерти Ольги Мандрыка случай свёл меня с её многолетней соседкой и подругой, филологом Ларисой Георгиевной Кондратьевой, сохранившей некоторые фотографии и письма. Среди них и оказалось то, что сподвигло меня на попытку продолжения архивно-исторической и литературной работы, а именно, судьбы трёх женщин — Ольги Владимировны, Анны Борисовны и Русуданы Рубеновны. Женщин, которым жизнь уготовила жестокие испытания, женщин необычайной красоты, высочайшей образованности, величайшей преданности, жертвенности и благородства, относящихся к таковым, ради которых мужчина должен жить и, если понадобится, пойти на смерть без малейшей тени сомнения.

К счастью, наследие Рубена Абгаровича оказалось намного объёмней, чем я предполагал, и основная часть материалов хранилась в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН) с 1987 года. Мне удалось, благодаря доброй воле директора Ирины Владимировны Тункиной и энтузиазму историка Марии Вячеславовны Мандрик, поработать с фондом Р.А. Орбели и даже,

в некоторой степени, поспособствовать пополнению его материалами Ларисы Георгиевны Кондратьевой.

Оказались полезными и документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), а также информация, полученная от научного руководителя Библиотеки Академии наук (БАН) Валерия Павловича Леонова, и от хорошо знавшего семью Орбели Марка Петровича Гальперина. Всем упомянутым, а также многочисленным не упомянутым мною людям, в том числе остающимся, как правило, безвестными архивным работникам, я низко кланяюсь и выражаю глубочайшую искреннюю благодарность.

Использованные в книге фотоматериалы взяты из частных коллекций автора, Л.Г. Кондратьевой, О.А. Мандрыка и М.П. Гальперина, и представлены с разрешения их правообладателей.

Часть первая

РУБЕН

Учитывая большие заслуги в развитии науки выдающихся советских учёных: физиолога, исследователя нервной системы и органов чувств, создателя эволюционной физиологии, академика, Героя Социалистического труда Лео́на Абга́ровича Орбе́ли (1882–1958), и востоковеда, филолога, археолога и историка материальной культуры, академика Иосифа Абга́ровича Орбе́ли (1887–1961) Исполком Ленгорсовета переименовал Большую Объездную улицу в улицу Орбели.

*Из постановления Ленгорсовета
1965 г.*

Имя старшего из трёх братьев, Рубена (1880–1943), не попало в вышеприведённый официальный документ. Нет его и в Большой Советской Энциклопедии. Да и похоронен он на Армянском кладбище в Москве, а не на Богословском кладбище Петербурга, рядом с монументами своих знаменитых братьев. На гранитном камне, поставленном на его могиле, выбита надпись «Навстречу сыну человеческому».

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Братья Орбели родились на Кавказе в армянской семье, род которой берет начало в XII веке. Их отцом был статский советник Абгар Иосифович Орбели (1849–1912), юрист, сын известного священнослужителя Иосифа Иоакимовича Орбели (1812–1891).

В юности Иосиф Орбели активно интересовался медициной и юриспруденцией, но, поскольку братья его поочередно умирали в юном возрасте, мать дала клятву определить сына к церковному обучению, после чего он оказался в Лазаревском училище, по окончании которого служил священником в Московской, а затем и в Петербургской армянской церквях. Возвратившись в Тифлис, Иосиф Иоакимович был назначен протоиереем, писал богословские труды и читал лекции в Тифлисской гимназии и Девичьем институте. Умер он в 1891 году и был погребён в армянской церкви Тифлиса.

Иосиф Иоакимович Орбели

Иосиф Орбели был отцом пятерых детей: дочерей Розалии и Екатерины, и сыновей Давида, Амазаспа и Абгара, получивших высшее образование.

Давид окончил Харьковский университет, стал врачом-психиатром, более трёх десятков лет работал

в тифлисской Михайловской больнице, опубликовал ставший хрестоматийным труд «Зоб и кретинизм в Сванетии», увлекался историей и археологией родного края. Амазасп стал известным стоматологом, а Абгар, окончив Санкт-Петербургский университет, был принят на службу в тифлисское судебное ведомство и стал одним из наиболее успешных юристов в Закавказье. Поэтому не столь уж удивительно, что женился он на аристократке, княгине Варваре Моисеевне Аргутинской-Долгоруковой (1857–1937), знавшей русский, французский, армянский и грузинский языки, прекрасно певшей и музицировавшей. Видимо, именно от неё сыновья унаследовали музыкальность и любовь к искусству.

Нина Александровна Аргутинская-Долгорукова
(урождённая Тандоева), бабушка братьев Орбели

Одним из предков Варвары Моисеевны был Иосиф Аргутинский (Овсеп Аргутян, 1743–1801), глава армянской епархии в России, который в 1800 году был избран Каталикосом.

Согласно архивным документам, 23 августа 1831 года «Грузинское Дворянское Депутатское Собрание слушало... Ростом Фиралова, сына князей Аргутинских Долгоруковых о внесении рода ихъ въ Дворянскую родословную книгу». Княжеское достоинство было пожаловано им грамотой грузинского царя Ираклия от 28 августа 1783 года и подтверждено грамотой императора Павла I от 29 марта 1800 года на основании предыдущего документа «и свидетельства 12 благородныхъ особъ».

В императорской грамоте указывалось:

...бывшій Архиепископъ Армянскаго народа князь Иосифъ Аргутинскій Долгоруковъ изъяснилъ.., что родъ его происходитъ, какъ Армянскіе и Грузинскіе историческіе книги удостоверяють, отъ персидскаго царя Артаксеркса Долгорукаго.., потомки коего по разрешеніи Персидскаго Престола вошли въ Арменію и изъ нихъ Аршакъ или Арсакъ Великій... владель царствами Персидскимъ и Армянскимъ, отъ него произошедшіе государи Армянскіе именовавшись Аршакидами или Арсацидами, и дошло до владенія въ Арменіи Карпениела Аршакунскаго известнаго... правнукъ Амиръ Сосаларъ Захарій возвысися отличностями завладель частію Арменіи съ городами Ани и Лори, правилъ оными въ образе Государя повинуюсь токмо Грузинскому царю Георгію и дщери его Тамаре яко Верховный повелитель войска ихъ. Преемники по немъ владенія были сыновья его, а когда во времена правнука его Шахин-Шаха... учинивъ нападеніе татарскій Хулавъ

хань отнял большую часть владения его, то преемник его Аргун хань на сына и наследника Шахиншахова же возложил свое имя Аргунь, почему они князья, так как получившие уже от него его именованіе и называются донныне Аргутинскіе Долгоруковы, каковое достоинство, соединенное съ наследственнымъ владеніемъ города Лори и уезда Салагинскаго продолжалось до отца его Архиепископа Шиошъ Бая и ныне имеется у братьевъ его князя Моссеса, князя Бежана съ ихъ детьми у самого Его, Его Императорскому Величеству любезноверноподданнаго, который въехавъ въ 1773 году изъ Арменіи къ Его Императорскому Величеству на услуженіе въ 1780 году спешествовалъ выводу въ Россію обитающихъ въ Крыму армянъ и поселенію ихъ въ новоустроенномъ стараніями его городе Нахичеване, иждивеніемъ его воздвигнуты монастырь и церковь, въ 1782 году участвовалъ въ Миссіи приверженія Грузіи подъ покровительство Россіи. Съ 1787 года съ самага начатія съ оттоманской портою войны находился въ войскахъ Е. И. Величества и способствовалъ выводу изъ Бессарабіи и Молдавіи армянъ, чего успѣхъ свидѣтельствуется новоустроеннымъ городомъ Григореополемъ. Въ 1796 году былъ отправленъ съ командовавшимъ генераломъ графомъ Зубовымъ, где по совершенному знанію тамошнихъ мѣсть и обстоятельствъ и по сношенію его съ соседственными ханами, способствовалъ прохожденію войск, доставленію провианта и скота, къ сдаче городовъ чрезъ живущихъ въ нихъ армянъ, преклонилъ Дербендскихъ и Мускурскихъ армянъ къ выводу въ Россію, сопутствовалъ съ корпусомъ Е. И. Величества въ Грузію, где оставался до самого истребленія бунтовавшего въ Персіи Аги Магомета... За все это получилъ пожалованіе Княжескаго достоинства Всероссийской Имперіи.

Дед братьев Орбели по материнской линии Моисей Павлович Аргутинский-Долгоруков, окончивший в 1844 году Тифлисскую гимназию, во время войны с Шамилем принял сторону русского правительства и за участие в Кавказской войне получил, в числе прочих представителей Тифлисской губернии, благодарность от императора Александра II, подписанную им 16 января 1957 года. Спустя несколько месяцев Моисей Павлович был представлен к бронзовой медали на Андреевской ленте, а 2 декабря 1861 года награждён орденом Станислава III степени. К тому времени он был женат на Нине Александровне Тандоевой и состоял в звании коллежского асессора и бухгалтера квартирной комиссии Тифлисского городского общественного управления.

Моисей Павлович Аргутинский-Долгоруков

22 сентября 1882 года его наградили орденом Владимира IV степени, 3 января 1883 года — орденом Анны III степени, спустя 11 дней — орденом Владимира III степени, 23 августа 1887 года пожаловали Знаком отличия за 40-летнюю службу для ношения на Владимирской ленте, а 31 декабря 1892 года с почётом препроводили на пенсию.

Судя по письмам он искренне любил своего зятя, доказательством чего стал факт передачи в управление Абгару Орбели в 1885 году собственного имения «въ Борчалинскомъ уезде Тифлисской губернии мерою 106–107 десятинъ пахоты, сенокосовъ, леса, пастбищъ и крестьянскихъ наделахъ, въ двухъ дачахъ (въ Санаине и Варнаке)».

Абгар Иосифович Орбели

В деле № 478 фонда 1104 СПбФ АРАН сохранилось следующее письмо:

Любезный зять Абгар Иосифович,

...предоставляю тебе право входить въ какіе угодно соглашенія, отдавать въ аренду, получать доходы, а также продать [имение]... за определенную мною сумму...

Независимо сего прошу тебя иметь хождение въ судебныхъ учрежденіяхъ и вообще присутственныхъ местахъ по деламъ, касающимся этого имени. Во всемъ, что по сей доверенности будетъ учинено, спорить и прекословить не буду.

г. Эривань

26 Августа 1885 года

Однако данное решение было оспорено братом Варвары Моисеевны Константином несмотря на то, что за последние двадцать лет тот отдалился от отца и семьи, о чём свидетельствует его письмо Абгару Иосифовичу:

Дорогой Абгар!

Обещалъ я тебе написать несколько писемъ изъ Тифлиса, но... не имель возможности.

Приехавъ въ Тифлисъ, мы поехали къ князю. Дверь отъ подъезда мы застали, вопреки обыкновенію, запертою. Зазвонили. Отворилъ слуга... Мы вошли безъ доклада. Поднялись на балконъ, встретили выходящего изъ комнаты князя... Минуть черезъ 15... Ея сіятельство представилась намъ... Просили насъ остаться обедать... Князь выразилъ сожаленіе, что у него тесно и потому не можетъ просить насъ остаться у себя. Просили насъ на обедъ на второй день. Мы пришли. Обедъ былъ парадный, ибо были гости — бабушка, Датики [Давид Иосифович Орбели] и хозяйка. После обеда те же извиненія насчетъ тесноты. Передъ уходомъ просили приезжать обедать. Несколько разъ мы были. Приемъ вообще бывалъ крайне холодный... Мы выехали изъ Тифлиса въ понедельникъ. Въ субботу передъ выездомъ утромъ я видель отца и предупредилъ его, что вечеромъ придемъ проститься съ нимъ...

Пришли мы часовъ въ семь. Князь сказалъ намъ, что мы пришли слишкомъ поздно и посему не могъ ждать насъ съ чаемъ... Часовъ въ половине девятого мы все ушли... Впоследствии я узналъ, что значительную часть серебра и золота, оставшагося после смерти покойной мамы, князь изволилъ подарить б... с которой онъ жилъ, даль онъ б... и денегъ. Есть предположеніе, что связь между нимъ и той сволочью продолжается по настоящее время... Затемъ я, прощаясь, сказалъ отцу, что я очень радъ, что уезжаю, такъ какъ отецъ более не будетъ иметь причины болеть (онъ всею рассказывалъ, что боленъ по причине нашего приезда)... Вообще, нужно тебе сказать, что я никогда не могъ предположить о возможности существованія подобнаго отца... Грубость его доходила до того, что онъ всею рассказывалъ, что меня прогнали со службы... Низость его доходила до такой степени, что онъ говорилъ бабушке, что она изъ уваженія къ нему не должна насъ вовсе принять... более трехъ дней... Не мешаетъ однако все-таки написать тебе и то, что как-то княгиня выразилась: «Ну вотъ, сына то я видела, посмотримъ, каковъ то нашъ зять»...

Для характеристики сообщу тебе фразу, сказанную имъ: «Давая Косте санаинское именіе, я обижаю жену, такъ какъ после моей смерти ей по закону досталась бы седьмая часть»... Кстати... после некоторыхъ переговоровъ онъ согласился таки подарить мне это именіе. Составилъ онъ дарственную записку... Я бы хотелъ поскорее получить главную выписку, чтобы дать тебе доверенность на полное заведываніе... Сделай, голубчикъ, все, что можешь, если не ради меня, то хотя бы для твоей семьи, для твоихъ милыхъ Рубена и Левона. Мне кажется, что это именіе, со временемъ, обеспечить и твое и мое существованіе... Въ настоящее время, если ты хочешь взять

на себя это дело, предлагаются такія условія. Исходатайствуй нужные документы и ссуду изъ Банка, пополни затемъ произведенныя расходы, отдай изъ вырученныхъ денегъ 2000 бабушке, а остальные возьми себе; садъ затемъ можешь выкупить самъ, садъ... можетъ быть заложень за 3000 руб. наличными... Дело... очень выгодное... Если тебе тяжело будетъ выплачивать, я готовъ буду оказывать тебе содействіе, но не въ настоящую минуту, а черезъ некоторое время, когда дела приведу въ порядокъ...

Твой Костя

5 октября 1885 года

Одесса

Однако полюбовно дело решить не удалось, и Абгар Орбели былъ вынужденъ дать официальный ответъ на жалобу Константина Моисеевича, который, между делом, ранее взял у него в долг 180 рублей и «позабыл» отдать:

ОБЪЯСНЕНІЕ

Вследствіе предложенія отъ 10 прошлаго іюля за № 50, имею честь объяснить Комиссіи Присяжныхъ Поверенныхъ, что жалоба кн. К. М. Аргутинскаго Долгорукова отъ 14 прошлаго іюня, какъ содержащая рядъ обвиненій, не вытекающихъ изъ профессиональной деятельности моей, какъ Присяжнаго Повереннаго, и не подходящая подъ 367 и 368 ст.ст. Учр. Суд. Уст., должна быть оставлена безъ рассмотренія...

...Я могъ бы требовать отъ жалобщика более точной, осмысленной формулировки и определеннаго указанія предъявляемыхъ ко мне обвиненій, а до того отвечать полнымъ молчаніемъ. Но, дабы Комиссія не усмотрела въ этомъ попытки уклониться отъ дачи требуемыхъ объ-

ясненій, я готовъ возражать по всемъ пунктамъ обвиненія.

Я действительно приобрелъ отъ престарелаго отца жалобщика, а моего тестя, кн. Моисея Павловича Аргутинскаго Долгорукова родовое его Санаинское именіе въ Борчалинскомъ уезде Тифлисской губерніи, мерою 106–107 десятинъ пахоти, сенокоса, леса, пастбищъ и крестьянскихъ наделовъ, въ двухъ дачахъ (въ Санаине и Варнаке), за 5000 рублей, по купчей крепости... 31 іюля 1901 года...

...Очевидно, онъ говоритъ о какомъ-то... обстоятельстве, опорочивающемъ мой крепостной акт, но о какомъ именно, — не видно из жалобы...

Жалобщикъ по приезде своемъ въ Тифлисъ, въ начале лета сего года, прислалъ ко мне брата моего, доктора Д. І. Орбели, съ предложеніемъ добровольно вернуть ему приобретенное мною «по фиктивной сделке» родовое санаинское именіе... На такое предложеніе вернуть ему именіе я ответилъ полной готовностью, если онъ уплатитъ мне сполна валюту и произведенные мною расходы...

...На 3-й день напомнилъ чрезъ своего брата, что я хочу знать, выкупаютъ ли онъ у меня именіе... Последовалъ лаконическій ответъ: «передай, что князь ничего не ответилъ.

...Полагаю, что Комиссія не найдетъ ничего предосудительнаго и въ требованіи моемъ 5000 рублей за выкупъ именія, хотя бы и не приносящего никакого дохода и оцененнаго местнымъ Земельнымъ Банкомъ всего въ 2000 рублей.

...Я до поры до времени воздерживаюсь отъ... представленія соответствующихъ письменныхъ документовъ, характеризующихъ отношеніе его къ покойному отцу на протяженіи 20–25 летъ...

Августа 30-го дня 1907 г.

Присяжный Поверенный А. Орбели

Родители братьев Орбели

Отношения в супружеской паре Абгара Орбели и Варвары Аргутинской-Долгоруковой не были безоблачными. Так, 17 января 1905 года их старший сын Рубен написал своей невесте, Ольге Никольской, о матери следующее:

...Она была первая, кто начал относиться ко мне, еще совсем маленькому мальчику, как к взрослому; я знал все ее страдания, истинные и вымышленные...

Она же... ознакомила меня теоретически съ грехомъ, дабы я остерегался его на практикѣ... она же была причиною того страшнаго разлада, который всю мою жизнь с той поры царилъ у меня въ душѣ... Черезъ нее я узналъ весь ужасъ нервной болѣзни... т. е. ея болѣзнь ложилась всею своею тяжестью на меня одного почти: при более или менее частыхъ припадкахъ астро-эпилепсіи я являлся единственнымъ ответственнымъ... остальные были моложе меня, а отца по вечерамъ дома не бывало, что въ свою очередь также часто бывало причиною припадковъ (оговариваюсь, что она обожала, скорее боготворила и боготворить отца)... Въ то время она являлась для меня страдалицею, единственнымъ защитникомъ, опорой и надеждою являлся одинъ я. И эту защиту очень многіе чувствовали на себѣ, особенно родня отца, которая боялась только меня, зная мою вспыльчивость и горячность...

Абгар Иосифович Орбели работал в Сванетии, Цхинвале, Нахичевани, Ордубде, Новобаязете и Эривани, и оплачивал учёбу детей, «не получая пособій». В 1878 году семья окончательно осела в Тифлисе, поселившись в доме 56 по Бебутовской улице (ныне — улица Ладосатиани). Судя по архивным данным впоследствии, кроме управления имением тестя, по-видимому, не приносившим существенного дохода, Абгар Орбели сумел отстроить собственный дом, поскольку дом, доставшийся ему по наследству от отца, находился в пожизненном пользовании его сестёр — Розалии и Екатерины, и в результате Абгар Иосифович оказался обременён «долгомъ въ 3500 рублей». Было ли это жилище отдельным строением либо он перестроил и отремонтировал уже имеющееся, мне не известно.

Абгар Орбели подал прошение об отставке по болезни с назначением пенсии 2 декабря 1895 года, но приказом от 19 декабря его перевели в Петрозаводск «на равную должность», куда он ехать не захотел, сославшись на нездоровье супруги и «наличие маленьких детей», и остался в Тифлисе, вслед за чем был уволен со службы приказом по Министерству юстиции.

Умер Абгар Иосифович 17 февраля 1912 года и был погребён на армянском Верийском кладбище Тифлиса, о чём свидетельствует выписка из Метрической книги церкви Благовещенской Пресвятой Богородицы.

После его смерти врач Агасарян опубликовал в газете «Мшак» следующие строки:

...Я не знал еще такого отца, который так заботился бы об образовании своих сыновей. Абгарь Орбели приложил много усилий для их воспитания и образования, не останавливаясь ни перед какими материальными трудностями для развития своих сыновей. Он приглашал к себе домой учителей гимназии... И отчасти это явилось причиной того, что сыновья, окончившие гимназию, были уже полны творческих идей...

Нась считают, — говорил он, — трудолюбивой торговой нацией, которая, правда, дала великих полководцев и т. д., но не крупных ученых, а я рад, что мои сыновья избрали путь... во славу науки...

Иосиф (Овсеп) родился 8 марта 1887 года, Леон (Левон) — 25 июня 1882, а Рубен в 1880-м. В документах указываются разные даты его появления на свет. В свидетельстве о рождении, написанном на армянском и русском языках и заверенном священником

церкви Святого Георгия в Нахичевани Исааком тер Маркаровым, указывалось, что оно было выдано:

товарищу прокурора Эриванскаго Окружного суда Абгару сыну Протоіерея Осипа Орбели, въ томъ, что сынъ его Рубень родился от законнаго супружества отъ своего упомянутаго Абгара Орбели съ законною супругою княжною Варварою Моисеевой Аргутинской Долгоруковой четырнадцатаго февраля 1880 года.

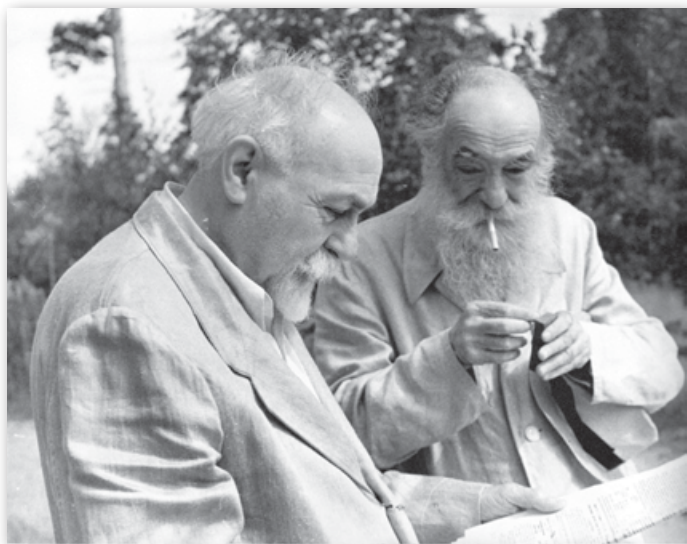
Тем не менее, в 1895 году Абгар Иосифович, заполняя так называемый «формулярный список», отметил, что Рубен родился 19 апреля 1880 года. Эта же дата повторяется и в некоторых документах Рубена Абгаровича — в его «трудовом списке» со ссылкой на справку из Ленинградского отделения Центрального архива РСФСР от 16 мая 1924 года, и в справке для предоставления в Губернский отдел Соцстраха.

БРАТЬЯ

Каждому из братьев Орбели была уготована особая судьба, но все они удивительным образом подходили под своё время, и можно лишь предполагать, кем бы они стали, родившись, допустим, в середине XX столетия. Учёными? Чиновниками? Религиозными деятелями? Бизнесменами? Криминальными авторитетами?

Об академиках Леоне и Иосифе Орбели, их творчестве и человеческих качествах написано много и может быть написано, по меньшей мере, ещё столько же. Существует Общество «Мемориал имени

братьев Орбели» и ряд памятных мест, от рабочих кабинетов до улиц, названных их именем.

Академики Орбели

Все трое окончили третью классическую гимназию в Тифлисе, в которой учились представители различных национальностей, что способствовало не только воспитанию интернационализма, но и изучению языков. Да и сам Тифлис был в ту пору многонациональным городом, в котором выходило восемь газет — четыре на русском, две на армянском и две на грузинском языке. Интересно, что в семье Орбели отец вел переписку с сыновьями по-армянски, а мама — по-русски.

После окончания гимназии Рубен по воле отца выбрал юридический факультет Петербургского университета, Леон поступил в Военно-медицин-

скую академию, а Иосиф — на историко-филологический факультет того же университета, где через три года сконцентрировался на востоковедении.

Строго говоря, из троих братьев наукой профессионально планировал заниматься только Иосиф, тогда как Леон должен был стать врачом, а Рубен — юристом, что, конечно, не препятствовало научным занятиям, но переводило их в ранг сопутствующих, второстепенных. Более того, Леон был уже приписан к строившемуся в Аргентине кораблю, который планировалось включить в состав второй Тихоокеанской эскадры, но корабль был перекуплен японцами, и эскадра ушла к своей гибели в Цусимском бою без него. А Рубен, написав несколько статей по юриспруденции, занялся издательской деятельностью и пришёл в науку в результате непредвиденного стечения обстоятельств.

Из семейного архива Орбели

Непосредственным учителем Иосифа стал академик Николай Яковлевич Марр (1864–1934), выдающийся востоковед, филолог и археолог, разработчик теории происхождения языков, впоследствии разгромленной под непосредственным руководством «отца всех народов».

Иосиф Орбели, которого многие считали чудачком, обладавший, благодаря внушительной бороде, внешностью, из-за которой был однажды остановлен на Невском проспекте человеком, предложившим ему должность швейцара в одном из лучших ресторанов послевоенного Ленинграда, на что он, будучи уже академиком и директором Эрмитажа, вежливо ответил: «Подумаю...», так же как и его учитель, обладал удивительно сильным характером. Чего только стоит известная история, когда в конце 1932 года, еще не будучи директором Эрмитажа, он выгнал оттуда представителей наркомата внешней торговли, по заданию правительства отбиравших экспонаты из так называемой «восточной коллекции» для продажи за рубеж! Можно лишь гадать, что передумал и пережил этот человек, написав по данному поводу в конце октября 1932 года письмо самому Сталину, которое передал через Авеля Енукидзе, секретаря Президиума ВЦИК, расстрелянного пять лет спустя, особенно когда через две недели держал в руках запечатанный конверт с его ответом, оказавшимся таковым, что с этого времени восточная коллекция Эрмитажа была защищена от разграбления, хотя распродажу предметов «западной коллекции», куда вошло 23 образца европейской живописи, находящихся сейчас в Вашингтоне, предотвратить не удалось, а «реализация» экс-

понатов других музеев продолжалась в Советском Союзе вплоть до 1938 года:

Уважаемый т-щ Орбели!

Письмо Ваше от 25 октября получил. Проверка показала, что заявки «Антиквариата» не обоснованы. В связи с этим соответствующая инстанция обязала Наркомвнешторг и его экспортные организации не трогать сектор Востока Эрмитажа. Думаю, что можно считать вопрос исчерпанным.

С глубоким уважением,

И. Сталин

5 ноября 1932 года

Через несколько лет после вышеупомянутого случая Иосиф Орбели был обвинён в том, что принимал на работу женщин, имевших буржуазное происхождение, и ему пришлось доходчиво объяснять коммунистическому руководству, что дежурные залов музея должны хотя бы в небольшой степени владеть иностранным языком для того, чтобы правильно указывать дорогу иностранным посетителям. А в 1935 году Иосиф Орбели переплавил фамильное серебро, чтобы отчеканить миниатюрные копии сасанидского блюда и вручить их участникам международного конгресса по иранскому искусству и археологии.

То, что сделал этот сугубо мирный человек во время Второй мировой войны, нельзя расценить иначе как подвиг. Благодаря его организационным способностям и энтузиазму, спустя несколько бессонных суток после начала войны, потраченных на отбор и упаковку, из Ленинграда было эвакуировано более

миллиона музейных экспонатов! Сам же Иосиф Орбели отказывался выехать из блокированного города и организовал в подвалах Эрмитажа бомбоубежище, спасшее жизнь многим ленинградцам. При этом он работал в соседнем подвале, получая, как и прочие горожане, суточный паёк, состоявший из 125 граммов хлеба.

В сентябре 1941-го Иосиф Абгарович сумел убедить Политуправление фронта отозвать из окопов на один день нескольких историков для прочтения научных докладов на совещании, посвящённом 500-летию юбилею поэта Низами, которое было заранее спланировано им на время между авиационными налетами пунктуальных фашистов! Полумёртвый от голода и холода, он в конце марта 1942 года был эвакуирован в Ереван, но через год с небольшим вновь вернулся в один из прекраснейших музеев мира, в который попало тридцать артиллерийских снарядов и две авиабомбы, о чём, как и о многих других разрушениях, Иосиф Орбели свидетельствовал на Нюрнбергском процессе над нацистскими преступниками. Однако очевидные достижения и заслуги не уберегли его в конце концов от увольнения с должности директора Эрмитажа и опалы.

Он умер в четырехместной больничной палате.

И.А. Орбели стал отцом ребенка уже в весьма преклонном возрасте, в 59 лет. Его сын Дмитрий прожил всего четверть века, а внук — немногим дольше, к счастью, успев произвести на свет собственного сына.

Учителем, предопределившим дальнейшую судьбу среднего брата, Леона, ставшего физиологом, был

Л. А. Орбели и И. П. Павлов

Нобелевский лауреат, академик Иван Петрович Павлов (1849–1936), автор ряда выдающихся открытий в области физиологии пищеварения, кровообращения и высшей нервной деятельности, обласканный советским руководством антикоммунист, внутренне верующий атеист, истинно русский человек, ненавидевший шовинизм и считавший своим учителем еврея И. Ф. Циона, вивисектор, не переносивший вида крови и решительный противник всяческого насилия, в том числе и охоты, заявлявший, что для большевистского эксперимента в России он пожалел бы даже одну лягушку, и «...что проделываемый над Россией социальный опыт обречен на неперемнную неудачу и ничего в результате кроме политической и культурной гибели моей Родине не даст». Коммунистическая власть сознательно не трогала его как исключение, подтверждавшее правило. Так, в лабораториях Павлова было трудоустроено несколько

белогвардейских офицеров, которые исчезли из них после его смерти.

Леон Орбели начал работать под руководством Павлова в самом начале века, будучи ещё курсантом Императорской Военно-медицинской академии, в 1935 году был первым заместителем «старейшины физиологов мира» на XV Международном физиологическом конгрессе, а после смерти учителя «унаследовал» и все учреждения, ранее возглавляемые Павловым, избавив их при этом от авторитарного стиля в научном руководстве.

Л.А. Орбели создал собственную школу физиологов, опиравшихся в исследованиях на эволюционный подход к изучению функций организма, способствовал развитию «формальной генетики» и, как и его младший брат, имел несчастье руководствоваться при принятии решений сугубо научными принципами. В результате он был обвинён в развале павловского направления, пропаганде «вейсманизма-морганизма» и прочих грехах, уволен с военной службы в чине генерал-полковника и лишён всех постов, за исключением заведования маленькой группой сотрудников.

Собственно говоря, несмотря на то что Иосиф Орбели был гуманитарием, а Леон Орбели — представителем естественных наук, оба они были «убраны», отстранены от руководства по одной и той же причине, кроющейся в коммунистической идеологизации, а, следовательно, в немыслимой для них фальсификации научных данных, последствия которой Россия не может преодолеть и по сей день.

Всю жизнь физиолог Л.А. Орбели стремился к подавлению в себе и других свойства, названного

И.П. Павловым «рефлексом рабства». В начале 30-х годов он отказался подписать коллективное письмо, осуждавшее высказывание Папы Римского о преследовании религии и священнослужителей в Советском Союзе, а в конце 30-х и начале 40-х годов неоднократно пытался добиться реабилитации многих репрессированных учёных, в том числе Н.И. Вавилова, Е.М. Крепса и А.А. Баева.

На печально известных сессиях 1948 и 1950 годов, выполнявших «социальный заказ», изложенный в статье Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», Леон Абгарович фактически перевёл на себя огонь критики, выгораживая других, а в течение последующих трудных лет продолжал помогать даже тем, кто его предал. В декабре 1952 года лауреат Сталинской премии за 1941 год Л.А. Орбели написал Сталину письмо, сопровождаемое научными материалами, объяснявшими, в частности, важность изучения субъективных ощущений, но ответа не получил.

У Леона Орбели и его жены Елизаветы Иоакимовны (1879–1974) была единственная дочь Мария, родившаяся в 1916 году, которую в семье называли Марусей. Мария Леоновна Орбели, ставшая биофизиком и работавшая в Радиевом институте, умерла в 1949 году от лучевой болезни, и Леон Абгарович усыновил ранее усыновленного ею мальчика Абгара, ставшего физиком — и ныне работающего в Физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе. Абгар Леонович Орбели основал в конце XX столетия «Общество-мемориал братьев Орбели» и посвятил значительную часть своей жизни увековечиванию их памяти.

УЧЁБА И НАЧАЛО РАБОТЫ

У Рубена Орбели не было учителей калибра Павлова или Марра. Люди, оказавшие влияние на его творчество, являлись, скорее всего, не более чем консультантами.

Судя по сохранившемуся в архиве аттестату, в первом классе он учился довольно посредственно, преимущественно на тройки. К восьмому классу его успеваемость стала лучше, хотя время от времени Рубен получал двойки по физике и математике.

Рубен Орбели — гимназист

Об учёбе на юрфаке университета известно не много. Студентом он был талантливым и прилежным, хотя имеются сведения, что во время студенческих волнений, происходивших в феврале-марте 1902 года, его отчислили, но вскоре восстановили.

Рубен Орбели — юрист

В одном из писем, написанном Рубену 26 октября 1899 года отцом, есть следующие слова, которые можно считать не только напутственными, но и, в определённой степени, пророческими:

Истина не есть нечто реальное и материальное, что можно ухватить руками, потрогать. Она постепенно, сама собой зародится в твоей голове...

...каждый твой шаг должен быть продиктован долгом, долгом как перед собой, так и перед твоими близкими и окружающим обществом...

В молодости Рубен Орбели пробовал сочинять стихи и прозу, с которыми можно ознакомиться в СПбФ АРАН. Свои произведения он записал в семи тетрадях, самую раннюю из которых озаглавил как «Сборникъ стихотвореній Рубена Орбели, написанныхъ в 1891, 1892, 93, 95 годахъ». Среди них были и шуточные стихи, посвящённые родным и близким, например, «Тёте Розе», написанное 21 февраля 1902 года, и такие короткие рассказы как «Шарманка», на мой взгляд, не представлявшие особой литературной ценности. Однако постепенно, судя по более поздним тетрадям, художественные сочинения уступили место философским и этическим размышлениям. Тем не менее, полагаю уместным процитировать полностью одно из стихотворений, которое было написано им 14 февраля 1894 года, то есть в день своего рождения:

МОЛИТВА

*Въ молитву тихую погруженный,
Утомленный житейской заботой,
Стою предъ Божьей иконой,
Умиленъ вечной его щедротой.
Молитва исходитъ изъ устъ моихъ,
Несется от этого света,
А я на минуту замеръ, затихъ...
И будто бы жду я ответа.*

Время от времени Рубен Абгарович возвращался к занятиям литературой, о чём свидетельствуют находящиеся в СПбФ АРАН гранки со внесённой авторской правкой пьесы «Христианская комедія», эссе «Человек в книгохранилище-чистилище» из цикла «Абсолютное и относительное», а также наброски

Архи-сатирической драмы «Золотые рыбки», сделанные весной 1939 года.

После окончания университета в 1903 году с дипломом I степени Рубен Орбели служил обер-секретарём Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, 30 октября 1904 года был избран действительным членом юридического общества и в возрасте 25 лет произведён в надворные советники, что являлось немалым достижением, поскольку этот гражданский чин соответствовал званию капитана 2-го ранга во флоте или подполковника в армии.

Ещё будучи студентом, Рубен Орбели перевёл 600-страничный фундаментальный труд Отто Бера «Долговой акт и расписка», а после окончания университета написал статьи «К крестьянскому кризису на Кавказе», «Артельный произвол», «Торговые дома», «Распродажи» и «Второй германский рабочий конгресс».

Занимался он и общественной работой в качестве делопроизводителя Совета по управлению имуществом Санкт-Петербургских армянских церквей, хотя 2 ноября 1905 года написал прошение об освобождении от этой должности, которая «при добросовестном отношении... лишает возможности вести правильно мои научные занятия». Интересно, что в этом же году Рубен Орбели был включён в качестве переводчика в состав инспекции под руководством сенатора Александра Михайловича Кузминского (1844–1917), расследовавшей причины и последствия армяно-азербайджанской резни в Баку и Бакинской губернии, в результате которой погибло несколько тысяч человек.

Следует сказать, что Рубен Орбели не отличался завидным здоровьем. В одном из вариантов автобиографии, написанном в советский период, он отметил, что «голодный год после Турецкой войны и плохое питание матери наложили навсегда отпечаток на организм».

А в 1906 году Рубен Абгарович получил следующий документ:

Канцелярія Городского по воинской повинности Присутствія симъ объявляетъ Коллежскому Секретарю Рубену Абгаровичу Орбели, что по освидетельствованіи его... 29 декабря 1906 года... онъ... признанъ вовсе негоднымъ къ военной службе.

В так называемой «Паспортной книжке», введённой в стране с 1906 года, в графе об отношении к воинской обязанности им было указано лишь одно слово: «никакого», а в «Свидетельстве о явке къ исполненію воинской повинности», выписанном 25 января 1907 года, он был отнесён к подлежащим ей на правах вольноопределяющихся.

После окончания университета Рубен Орбели непродолжительное время стажировался в Йенском университете, что было связано не только с учёбой, но, возможно, в гораздо большей степени, с любовью к Ольге Никольской, оказавшейся в этом учебном заведении вместе с ним. По словам внучки Рубена Абгаровича, Ольги Мандрыка, этим поступком молодые люди выразили своё отношение к мнению родителей, не согласных с выбором своих детей, в основном из-за разницы в вероисповедании.

Знакомство их произошло в доме педагога, правоведа и владельца уникальной библиотеки Бориса

Владимировича Никольского (1870–1919), где Рубен познакомился с его сестрой. Ольга Владимировна к тому времени окончила Смольный институт, Бестужевские курсы и преподавала русский язык и литературу в женской гимназии. Венчались они в одной из православных церквей Санкт-Петербурга, после чего ездили за благословением в армянскую церковь.

Венчание

В делах за №№ 411 и 417 фонда 1049 РГИА хранится переписка Ольги Владимировны и Рубена Абгаровича с Георгием Степановичем Саркисовым, чиновником Канцелярии Министра торговли и промышленности, акционером АО «Биохром», члены которого работали над созданием цветной фотографии и кино. Эта переписка отражает короткий период после 1910 года, когда у пары родилась дочь Русудана; и Ольга, находясь во Взметнево, семейном имении в Рязанской губернии, упомянула, что «...Рубень, судя по письмамъ, работает, не щадя себя».

Он тоже, будучи заведующим юридической частью Периодических изданий Минфина, вынужден был общаться с ней через Саркисова, поскольку это было надёжнее и быстрее:

...вчера вернулся изъ Эривана... въ понедельник 24-го я уже еду в Кутаиси, где пробуду дней 10... Я... очень по своим тоскую. Спасибо Вамъ за заботу о нихъ. Известий изъ деревни еще не имею, но думаю, что тамъ имъ будетъ несравненно лучше, чемъ здесь. Я все время въ суматохе. Работаю немного, но отдыха нетъ, особенно при моемъ характере...

Интересно, что в одном из писем его тёщи, Марии Ивановны Никольской, датированном 9 октября 1915 года, сообщается, что «...Рубен задумалъ поехать на границу Персіи во главе отряда, который онъ собираетъ...». Это намерение было вызвано, по-видимому, желанием Рубена Абгаровича воевать против турок в составе добровольческих армянских дружин, формировавшихся из не подлежащих призыву российских армян, а также армян, не имевших

российского подданства, которые впоследствии влились в регулярные части Кавказской армии.

С 1912 по 1914 год Рубен Орбели работал редактором юридического отдела двух газет: «Торгово-промышленной» и «Вестник финансов», после чего до 1918 года его деятельность формально мало отражена, поскольку именно в это время он активно занимался изучением религии и проповедничеством.

СВОБОДНЫЙ ХРИСТИАНИН

В отличие от своих братьев, атеистов, Рубен был глубоко верующим человеком. Какой-то особой религиозностью члены семьи Орбели не отличались. Все они посещали армянскую церковь, исполняли основные обряды, словом, вели себя вполне типично для времени и места, в котором жили. Однако после смерти отца, с которым он был очень близок и особенно им любим, Рубен Абгарович пережил глубочайший духовный кризис, и с тех пор религия, как и наука, стали основными вопросами его жизни.

Он не примкнул окончательно ни к одному вероисповеданию, называя себя «свободным христианином», посещая богослужения в церквях различных религиозных направлений, а также собрания баптистской и других сект. В его доме хранилось около десятка разноязычных изданий Ветхого и Нового Завета, которые он тщательно исследовал, ставя заметки на полях, и изучал иврит, чтобы читать Библию в подлиннике. В результате уровень религиозных познаний Рубена Орбели вырос настолько, что он, не имея богословского образования, стал

основателем и руководителем христианского кружка и читал лекции о Христе, на которые собиралось множество людей, многих из которых он спас от отчаяния и привёл к вере.

Рубен Орбели с отцом

В одном из не датированных документов СПбФ АРАН имеется объявление о подобных лекциях в Алексеевском народном доме и в Университете Шанявского, располагавшихся в Москве. Лекции Орбели носили названия: «Вечное Евангелие», «Христос и народ» и «К встрече здоровой международной общественности». Билеты стоили по 30 копеек и по рублю, а сбор шёл на распространение Евангелия.

В деле №73 фонда 1006 РГИА хранится письмо, написанное из Нижнего Новгорода женщиной с инициалами «Л. З.»:

...Я думаю, что здесь предстоит большая жатва. Къ религиознымъ вопросамъ воспримчивость и жажда большая. Кто пригласилъ Орбели къ намъ? Вероятно евангелическіе христіане?... Имъ и для нашей интеллигенціи тоже надо прочитать хоть одну лекцію! Я уже достала помещеніе на 150 человекъ... Если мало, можно «Народный домъ», но тамъ за плату... Только надо заранее сделать объявленіе въ газетахъ и на столбахъ по городу...

Лариса Георгиевна Кондратьева сохранила письмо от 29 сентября 1915 года, написанное Рубеном Орбели известной петербургской арфистке, разделявшей проповедуемое им направление в неортодоксальном христианстве, племяннице Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945) Анне Сергеевне Короленко (1884–1917), начинающееся с написанного карандашом эпитафия:

Радуйтесь предъ Нимъ съ трепетомъ.

Пс. 2, 11

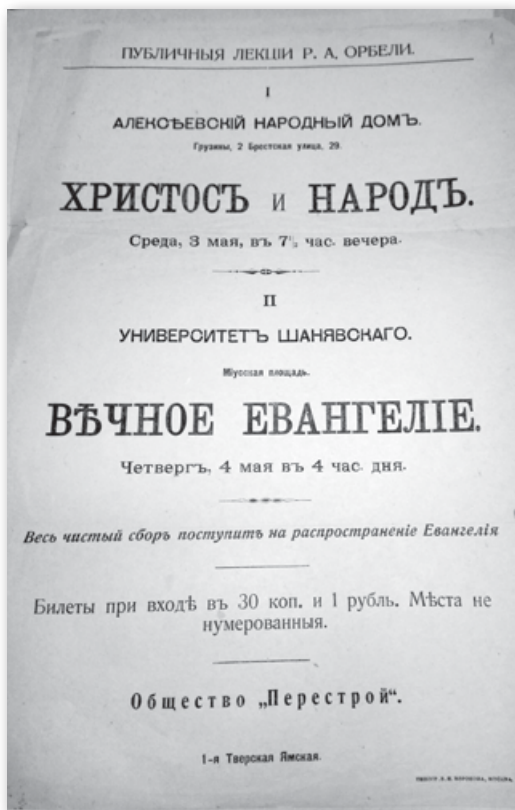
В тексте письма автор указал три пути жизнедеятельности человека:

1. Путь человеческой прихоти, господства и рабства, безответственный и гибельный.
2. Путь закона, внешнего стесненія, определенности и формы, отчетливой ответственности.
3. Путь благодати, свободы и ответственности только предъ Богомъ... Путь... победителей. Блаженны идущіе только последнимъ путемъ. Счастливы, кому удастся стать в раму закона. Горе впавшему в руки человеческія.

...я не устоялъ въ благодати и протянулъ руку къ людямъ, надеясь стать подь законъ. И впалъ в руки человеческія.

Но время Ангелы дали мне... остановиться... пока... вновь не воскреснетъ Богъ...

Возможно, последняя фраза отражала приостановку процесса его деятельности как проповедника и теолога, окончательно завершившуюся после установления большевистской власти.

Афиша лекций Р. А. Орбели в Москве

Журнал «Социологические исследования» в 1992–93 годах напечатал статью «Христианская социология», подготовленную к печати В.И. Шамшуриным на основе записей Р.А. Орбели, представленных А.Н. Мельником. Эта статья включала рассуждения, некоторые фрагменты которых уместно процитировать для того, чтобы дать представление об особенностях его христианского мировоззрения:

...Библия научила меня читать и думать, и я увидел, что «сущность всего» — в правильном мышлении и своевременном действии в побеждающем покое...

Вдохновение и искренность — вот два плода, две единственные ценности, которые составляют «сущность всего»...

Но и религия, и наука, и искусство, и философия, и ремесло, и профессия, и управление, и поэзия и торг вращаются вокруг одной и единственной оси — вокруг внутреннего человека — Сына Человеческого...

...История человечества есть ваша биография. Моя генеалогия действительна для меня так, как действительно для человечества все то, что в предках и отцах и в нас воспринималось через людей от Иисуса Христа, что от Него произошло. Это живо в нас, это действует и бессознательно отражается в нашем поведении, в поведении народов, в росте человечества и сейчас, когда видимость может потушить всякую веру. И сейчас убийство и война против всех...

Строки, которые вы читаете, не беллетристика, не праздное философствование, не богословская теория. Не только изучение Писаний, не только скрытые... годы моего проповедничества, но жизнь в жизни, глубокая и интимная связь с жизнью. Она диктует. Она говорит. Бог в жизни. Конкретный и живой...

Идите и говорите одно: Жив Господь. Идет. Дни лукавы. А время близко. Не теряйте его на поклоны — признак пустосвятства. Делайте что-нибудь для Грядущего. Сам вас научит, что и как делать. Только... полюбите Христа искренно и как близкого, очень близкого, внутри вас живущего...

Бесхарактерность русского народа — это то, чем пользуется в его жизни противник его души. Антихрист с окаменелым сердцем.

Бесхарактерность русского народа — это то, что кидает его в руки антихристов — от антипода Петра — царя Петра — до... большевизма.

Бесхарактерность русского народа питала его пьянство и неряшливость.

Она, именно она создавала ложное о нем впечатление в глазах наезжих английских, немецких, американских просветителей.

Отсюда — с одной стороны поклев на эту живую, но не твердую душу, отсюда — и самообман тех, что «обещают ему свободу, будучи сами рабы тления»...

Характер человека, его отзывчивость и внимание, твердость и постоянство в нравственных качествах в достижении цели, в сношениях с людьми, могут воспитываться и созидаться только при наличии одного неременного условия. Это условие — глубокий, духовный мир и доверие к господствующему во вселенной Духу и по крайней мере спокойствие в отношении к окружающим людям. Нужна личная своя точка опоры, и внутренняя открытость...

С прошлым нельзя развестись. Настоящее вытекает из прошлого. Все связано в божественном плане. Отвержение исторического прошлого и квалификации нового, как имеющего иное преемство, иную связь, иную традицию — блуд...

Внезапное отвержение исторической церкви и установление для себя нового преемства есть прелюбодеяние...

Есть христианство тайное — бессознательное.

Есть христианство явное — сознательное.

Есть христианство словесное.

Есть христианство кровное.

Проповедую сознательное кровное христианство...

Эту кровь я ощущал в себе до крещения Духом, которое двинуло меня на проповеди.

Более того, ранее сознательного подхода и изучения Слова.

Это жило во мне. Но подавлялось...

...Живая жизнь и Бог в людях и в природе. Творчество, и если нет других талантов, то всегда есть творчество превосходнейшее — творчество добра...

...К какой бы половине Церкви ты ни принадлежал... не Папа и не батюшки тебя будут покрывать, а ты сам ответствен перед Твоим Христом за свою жизнь по вере и за братьев твоих...

Достаточно, чтобы человек уверовал в «Сына Божия», — все дальнейшее в душе строится на любви...

Я пишу то, что говорит мне смысл и дух писаний и переживаемое, роковое время. Я пишу, имея в виду призыв Христа «Судить по себе самим о том, что должно быть». Я пишу, сознавая себя пластинкой, отражающей знамения времени и слишком значительный смысл переживаемых событий. Я пишу в июньские дни, когда на нашем шкурном опыте человеко-божеский социализм в своем меньшевизме оказался блефом, в своем большевизме — предательством и продажностью...

...Жизнь целого народа, живой величины, имеющей свою плоть и кровь, числящей в своем составе людей — отступает

на задний план перед надуманной идеологией. Так пусть же они поймут, и то, что Бог и Христос — в народе — это реальность, а «православие» — это человеческая идеология...

Однако результаты октябрьской революции 1917 года привели к тому, что верующие люди были вынуждены уйти, по словам Р.А. Орбели, «в духовные катакомбы». Религиозные лекции и занятия прекратились, будучи не совместимыми с жизнью. Представители различных вероисповеданий неоднократно предлагали Рубену Абгаровичу эмигрировать в Европу, Америку и даже в Японию, но он отказался.

В Curriculum Vitae от 13 ноября 1918 года им было написано от руки следующее:

...занимался литературными трудами... сосредоточилъ съ 1912 года мысль на необходимости духовнаго возрожденія человека и начавъ работать въ области личной и общественной этологии, сталъ постепенно выступатьъ съ лекціями соответствующаго содержания въ разнообразныхъ аудиторіяхъ...

Съ особеннымъ вниманіемъ наблюдалъ ростъ и колебанія нравственнаго самосознанія въ русскомъ народе...

Читалъ отдельныя лекціи философско-нравственнаго содержания... въ ряде учебныхъ заведеній Петербурга и его окрестностей, какъ то Технологическій институтъ, Политехнический, Высшіе женские курсы, Женскій медицинскій институтъ, и въ большомъ числе среднихъ...

Въ лекціяхъ и докладахъ освещались проблемы зла, страданія, свободы воли, личности, личной и общественной гармоніи, творчества.

Въ 1918 году по приглашенію Петербургскаго Родительскаго Комитета подъ председательствомъ... Н. С. Карцева читалъ доклады по вопросамъ внешкольнаго воспитанія, причемъ Комитетомъ была избрана тема «Христось какъ педагогъ», и докладъ неоднократно повторялъ въ школьныхъ аудиторіяхъ...

Со времени революціи и пробужденія общественнаго самосознанія и интереса къ проблемамъ духа, широко развились лекторскую деятельность, читалъ въ большихъ аудиторіяхъ, причемъ только съ марта по май 1917 года прочелъ въ совокупности более 40 публичныхъ лекцій...

В анкете, заполненной в 1923 году, Рубен Абгарович записал, что находился «вне политических партий», с 1906 по 1913 годам состоял редактором отделов юридического и иностранного законодательства Минфина, работал в его периодических изданиях, занимался оборудованием и каталогизацией библиотеки, а также осуществлял лекционную деятельность в просветительском обществе «Маяк». Добавлю, что это общество, не пользовавшееся финансовой поддержкой государства, располагало, тем не менее, широкими финансовыми возможностями и было национализировано в сентябре 1918 года. В 1906 году в Петербурге для него было выстроено здание,

которое можно увидеть и сейчас по адресу улица Маяковского, 35.

В анкете, заполненной в 1926 году, Рубен Орбели также отметил, что занимался до революции лекционной деятельностью, разумеется, не раскрывая направленности этих лекций, а в качестве своей специальности назвал юриспруденцию, журналистику, преподавание и библиографию.

В пункте 4 «опросного листа» Секции научных работников, заполненном 7 июня того же года, отражающем «специальность по роду деятельности», Рубен Абгарович указал юриспруденцию, а в пункте 7 в числе своих главных научных трудов назвал «Монизм в индивидуальном и коллективном сознании».

А в другой анкете, заполненной в середине 20-х годов, он упомянул среди наиболее значимых научных работ «серию эпизодов по психологии творчества», законченный в 1917 году труд «Постигающая личность и коллективное бытие» и гносеологические эскизы под названием «Критика субъективизма».

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

3 января 1918 года Рубену Орбели пришлось предписание явиться через три дня в здание Правительствующего Сената для сдачи ключей, дел и прочего имущества с примечанием: «неявка повлечет за собой предание суду Революционного Трибунала».

Его молодая семья, как и многие другие, потеряла средства к существованию.

Спасаясь от голода, супруги выехали в Тамбов, а затем — в Кисловодск, где попытались найти ра-

боту. В Тамбове Рубен состоял на службе в губернском отделе национальных меньшинств местного исполкома, а также участвовал в создании университета, читая лекции по юриспруденции, этике и философии, а в Кисловодске, куда переехал из-за болезни, работал ответственным хроникёром в краевом телеграфном агентстве. В 1921 году он стал инструктором библиотечной секции Северокавказского краевого отдела профсоюза работников просвещения, занимаясь оборудованием и комплектованием библиотек и читальных залов и подрабатывая сборщиком лекарственных растений при наркомате здравоохранения Кисловодского райисполкома.

Рубен Орбели в библиотеке АН

По возвращении в Петроград в конце 1921 года Рубен Абгарович занял должность управляющего делами и заведующего технической частью научной комиссии Академии наук, а после её расформирования, согласно «личному листку служащего», поступил по совместительству на работу в Институт физического образования им. П.Ф. Лесгафта.

В документе, подписанном директором этого института, выдающимся гигиенистом Андреем Фоми-чём Сулимо-Самойло (1869–1963), указано, что Р.А. Орбели 4 июля 1921 года был «избран советом... на должность ассистента по кафедре философии с обязанностью организации специальной философско-педагогической библиотеки... и заведывать педагогической частью детских учебно-вспомогательных учреждений при институте».

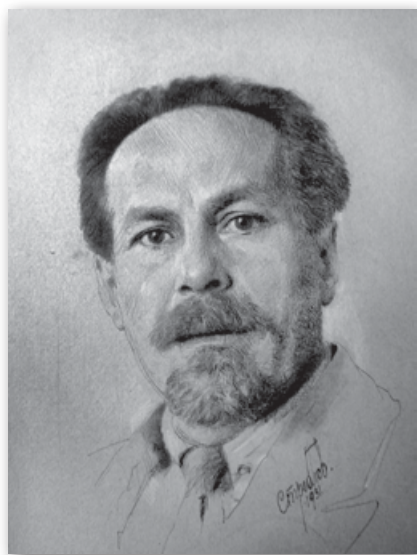
Билет Областного отдела профсоюзов

В отдельных пунктах «личного листка» того временного периода было отмечено, что Рубен Орбели занимал вместе с семьёй две комнаты, имел на иждивении двух человек, один из которых имел свой заработок, и обладал правом получать на семью два академических пайка. Таким ежемесячным пайком, куда входили спички, табак, мыло и некоторое количество продовольствия, обеспечивались в 1919–1923 годах работники творческих профессий.

Из института им. Лесгафта Рубена Орбели уволили по сокращению штатов 11 ноября 1923 года в связи с «упразднением предмета преподавания», что вынудило его вновь искать работу. Так, в одной из анкет того времени он написал, что привлекался «академиком Н.Я. Марром к исследованию горских народностей в юридическом и религиозном отношении» и занимался переводами научной литературы, в другой, — что в 1924 году работал в наркомате просвещения Армении и в Ереванском сельскохозяйственном университете, в третьей, — что 5 октября 1924 года был назначен научным сотрудником торгово-промышленной секции Госплана Закавказской Социалистической Советской республики (ЗСФСР) в Тбилиси. Кроме того, Рубен Абгарович пытался получить право преподавать курс гражданского судопроизводства на юридическом факультете Тбилисского университета, упомянув в заявлении, что владеет грузинским языком.

Согласно сведениям, предоставленным Валерием Павловичем Леоновым, 4 июля 1924 года Рубен Орбели по направлению с биржи труда обратился в поисках работы в БАН, куда и был зачислен помощником библиотекаря. Через два года его перевели

на библиотечарскую должность, где он главным образом занимался систематизацией каталога периодической литературы СССР, и даже ненадолго избрали председателем Местного комитета. В 1928 году Р.А. Орбели являлся уполномоченным от библиотеки в областном отделе профсоюзов и членом секции научных работников. В этом же году его в первый раз представили к увольнению, что вызвало протест, выразившийся в обращении в «расценочно-конфликтную комиссию» при Академии наук. В 1931 году Орбели стал общественным инспектором охраны труда, что давало ему право быть освобожденным от основной работы. Возможно, что именно это, наряду с постоянными болезнями, способствовало его окончательному увольнению из библиотеки в феврале 1932 года «за сокращением штатов».

Портрет Р.А. Орбели художника И. Б. Стреблова 1931 г.

С 1927 по 1934 год Рубен Абгарович был членом секций внутреннего управления, производства, просвещения и культурного строительства Ленсовета 12 и 13 созывов, по 1931 год параллельно исполнял должность управляющего делами Петроградской научной комиссии и работал уполномоченным Секции научных работников Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ), занимаясь вопросами, связанными с жилплощадью, отпусками научных работников, и разрабатывая курс лекций по охране труда, а в следующем году некоторое время заведовал Планово-методическим сектором по подготовке кадров в Ленинградском институте организации, экономики и охраны труда.

21 октября 1932 года он был переведён на должность учёного секретаря Учебного комбината по труду, ликвидированного в 1933 году, а также выполнял обязанности общественного инспектора. О его работе в данном качестве сохранилось следующее свидетельство:

Я, нижеподписавшийся Калинин Николай Георгиевич, живущий в гор. Ленинграде по Гагаринской ул. в д. 15 кв. 19, настоящим характеризую, что за время моей работы в должности старшего инспектора труда Ленинградского областного отдела труда т. Орбели проявил большую инициативу в деле установления практических работ по улучшению труда... В числе конкретных практических результатов активной деятельности тов. Орбели отмечаю особенно: 1. его достижения в части активизации самой массы театральных работников (Гатоб, Малегот, Хор. техникум) по линии осуществления своих трудовых прав и пробуждения в них общественного интереса

к проведению в жизнь норм социалистического трудового законодательства... 2. им оживлена работа общественных организаций (соц.-быт. сектора, комиссии по охране труда театрально-зрелищных мероприятий). 3. Своим непосредственным участием он добился планового ассигнования из бюджетов театрально-зрелищных предприятий средств для проведения капитально-оздоровительных мероприятий по охране труда, технике безопасности... 4. благодаря его непосредственному наблюдению и контролю за их своевременным и целесообразным расходованием были целиком использованы с плодотворными для условий труда работников результатами...

На основе изложенного рекомендую тов. Орбели как активного культурно-созидательного советского общественника, проявившего себя на страже советского законодательства.

Поясню, что за замысловатой аббревиатурой ГА-ТОБ и МАЛЕГОТ скрывались Государственный академический театр оперы и балета (знаменитая «Мариинка») и Малый оперный (Михайловский) театр.

Ещё 6 мая 1926 года библиотекарь Орбели написал прошение о предоставлении ему места в бесплатном санатории ЦЕКУБу в Кисловодской области с 15 мая по 19 июня, сославшись на освидетельствование врачебной комиссией СНР, признавшей его больным миокардией начальной формы и компенсированным туберкулёзом лёгких I степени. 19 июня того же года диагностическая клиника медицинского института выписала Рубену Абгаровичу «удостоверение» о том, что он «страдает переутомлением сердца (cor lassum), Тбс обеих верхушек легких и малокровием после перенесенной тропической малярии, поче-

му нуждается в продолжительном отдыхе в горном климате (Кавказский Крым)». А 2 февраля 1932 года, вследствие развившейся стенокардии, осложнившей имеющийся туберкулёз лёгких, но уже не I, а II степени, его перевели на инвалидность по 3-й группе сроком на один год с назначением пенсионного пособия.

В 1934 году Р.А. Орбели вернулся в Академию наук, а также стал преподавателем и ответственным секретарём редколлегии во Всесоюзном коммунистическом сельскохозяйственном университете им. И.В. Сталина (ВКСХУ), откуда был уволен по болезни в июле того же года. В ходатайстве о персональной пенсии от 28 июня 1935 года, направленном в Ленинградское бюро Союза научных работников и подписанном уполномоченным СНР ВКСХУ профессором Исуповым и предместкома Никифоровым было указано следующее:

Работавший до зимы истекшего 1934 года в ВКСХУ им. И.В. Сталина профессор Р.А. Орбели по имеющимся у нас сведениям заболел туберкулезом и грудной жабой, утратил трудоспособность и переведен на инвалидность по II группе...

В те годы его братья постепенно заняли ведущие посты в научной иерархии и, безусловно, помогали ему и его семье, которая, тем не менее, жила очень скромно. В письме матери, Варваре Моисеевне, датированном 8 января 1936 года, он писал:

...Мы все очень много работаем и очень устаем. Несмотря на то, что я признан пожизненным инвалидом (по болезни сердца и перенесенному туберкулезу обоих

легких...), но пенсия так ничтожна, что приходится подрабатывать на научных работах. Это... занимает мое время, но... копаться в архивах все-таки уже тяжело по возрасту и по здоровью...

Эта фраза, безусловно, говорит обо многом ...

ИСТОРИЯ ВОДОЛАЗНОГО ДЕЛА И ГИДРОАРХЕОЛОГИЯ

С 25 февраля по 17 апреля 1934 года Рубен Абгарович трудился учёным корректором издательства Академии наук СССР, продолжая искать себе работу. Согласно написанному с орфографическими ошибками «удостоверению» от 17 апреля 1934 года, содержащемуся в деле № 275 СПбФ АРАН, «проф. Орбели Рубен Абгарович уполномочивается по сбору всех архивных и исторических материалов со времени существования Государственной Академической Капеллы и бывш. Придворной Певческой Капеллы». Иными словами, по определённому стечению обстоятельств он мог бы вполне заняться историей музыки и, возможно, сделать в этой области не меньше, учитывая то, что с музыкой и музыкальным миром был до определённой степени знаком, а к водолазному делу вообще не имел никакого отношения.

Однако в 1935 году Рубен Абгарович познакомился с начальником Экспедиции подводных работ особого назначения, знаменитого ЭПРОНа, Фотием Ивановичем Крыловым (1896–1948), хорошо знавшим его брата, академика Леона Орбели, курировавшего работы, связанные с физиологическим изучением особенно-

стей водолазных погружений. И это едва ли не случайное знакомство, в результате которого ему было предложено написать, изучив соответствующую литературу, краткую историю водолазного и аварийно-спасательного дела, не только позволило Рубену Абгаровичу обрести, наконец, стабильное материальное положение, но и стать, со временем, консультантом Научно-технического совета и членом редколлегии сборников ЭПРОНа, а в 1940 году даже поработать над сценарием фильма об этой организации.

Ф. И. Крылов — начальник ЭПРОН

Почти сразу после начала работы в ЭПРОН он обратился с заявлением в Инспекционную комиссию Народного комиссариата просвещения РСФСР с просьбой о предоставлении ему академической пенсии, причем ходатайство в поддержку его инициативы

было послано на бланке экспедиции подводных работ и подписано 29 сентября 1935 года лично Ф.И. Крыловым. Интересно также, что в 1937–39 годах Орбели ходатайствовал в Совет ленинградских институтов Академии наук о присуждении ему степени кандидата исторических наук без защиты диссертации, а Главное управление ЭПРОН даже обращалось в Президиум АН СССР о выдвижении его кандидатуры в член-корреспонденты.

Удостоверение ЭПРОНа

В статье под названием «Прадед ЭПРОНа», посвященной Леонардо да Винчи, опубликованной в газете «Водный транспорт» от 2 октября 1935 года, Р.А. Орбели писал:

...На работу по составлению истории водолазного труда понадобится не менее трех лет. Вся история предположительно составит три тома. Может быть, это будет разделено так: водолазное дело, судоподъемное дело, аварийно-спасательное дело. А может быть, по времени и по эпохам. История подводных работ будет богато иллюстрирована...

Для слабо разбирающихся в методологии исторического исследования трёхлетний срок может показаться даже чрезмерным. Однако и для самого Рубена Абгаровича, и для людей, относящихся к истории водолазного дела профессионально и серьёзно, очень скоро становится понятной ничтожность продолжительности человеческой жизни, даже исключительно посвящённой изучению данного вопроса. По своему опыту могу сказать, что чем дольше им занимаюсь, тем все более осознаю, в какой необъятный объем информации, пронизанный вертикальными и горизонтальными связями, мне довелось погрузиться. Однако необходимо иметь в виду, что Рубен Орбели жил в период всеобщего планирования, выполнения и перевыполнения поставленных планов, что было характерно и для его работодателя, ЭПРОНа.

Вообще, написание книги по истории водолазного дела является трудновыполнимой задачей. Одна из основных причин этого, по-видимому, заключается в необходимости рассмотрения проблемы в трёх измерениях — историко-социальном, техническом и биологическом, точнее, физиологическом. Людей, овладевших основами этих трёх наук хотя бы на полупрофессиональном уровне, очень мало, и тем более удивительно, что наибольший научный вклад в изучение истории водолазного дела, по крайней мере в России, внёс человек, имевший юридическое образование, происходивший из страны, не граничащей с морем и для которого, следовательно, наиболее подходила известная восточная пословица, гласящая, что «если вода выше головы — все равно, на один вершок или на сто».

Научным изучением истории водолазного дела Рубен Абгарович занимался около девяти лет, работая, как правило, по первоисточникам, чему способствовало знание им двенадцати языков, включая латынь, греческий, староитальянский, шведский, английский, немецкий, испанский и французский. Его законченные и не законченные труды были изданы посмертно, и имеет смысл дать их краткую характеристику.

В статье «Водолазы Греции и Рима» Р.А. Орбели проанализировал упоминания ныряльщиков в произведениях Гомера, Эсхилла, Платона, Аристотеля, Цицерона, а также в воспоминаниях Диогена Лаэртия о Сократе. Здесь же он отметил терминологию, которой пользовались римляне и греки для обозначения водолазов.

Статья «Медные рудники под водой» содержала сведения об использовании труда ныряльщиков для подъёма медной руды со дна моря во времена античности, иными словами, первые упоминания о так называемых в наше время «коммерческих водолазах», почерпнутые из трудов управляющего Александрийской библиотекой поэта и критика Каллимаха, псевдо-Аристотеля, Антигона из Кариста и Павсания.

А в статье «Водолазы в первую морскую войну» Орбели, на основании данных Аполлонида, Геродота и Павсания, рассказал о первых «военных водолазах», действовавших во времена греко-персидской войны 481–480 гг. до н. э. Необходимо отметить, что последний вариант плана книги, в которую должна была трансформироваться данная статья, был написан им непосредственно перед эвакуацией из блокадного Ленинграда и имел пометку «Эвакопункт, 13. V. 42».

Статья Рубена Абгаровича «Леонардо да Винчи и его работы по изысканию способов подводного плавания и спусков», написанная в 1935 году, явилась результатом изучения подлинных факсимильных изданий манускриптов великого мыслителя и художника.

Рисунки Леонардо да Винчи
из работы о поисках способов подводных погружений

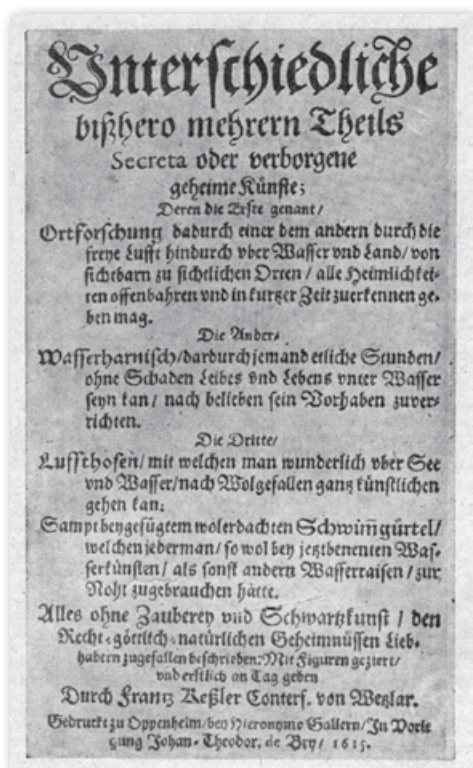
Инженер Леонардо да Винчи решил не предавать огласке изобретенный им способ осуществления подводных погружений и зашифровал его. Леонардо писал справа налево, переставляя в словах слоги и буквы, порой переворачивая их вверх ногами и не соблюдая синтаксических правил, что делало текст бессмысленным. Однако Р.А. Орбели, используя зеркало и лупу, не только расшифровал и перевел соответствующие фрагменты беспорядочно датированных рукописей Леонардо, но и выявил эволюционную последовательность развития его творческой мысли в данной области, простиравшейся от способов преодоления водных преград до подъема затонувших судов и подводных диверсионных операций.

Вслед за этой обширной работой Орбели написал маленькую статью под названием «Альпинизм Леонардо да Винчи», в которой обсуждался вопрос об использовании для плавания под водой «снеговых» очков, явившихся прообразом водолазной маски.

Профессия «водолаз» появилась в России не позднее начала XVII столетия, что и было доказано Рубеном Абгаровичем в статье «Водолазы в Московской Руси», написанной на основе русских актов XVII века, где он проанализировал особенности трудовой деятельности водолазов этого периода.

И, наконец, Р.А. Орбели написал статью под названием «О двух датах XVII столетия на Западе», под которыми подразумевалось изобретение водолазного колокола. Причём, работая в Публичной библиотеке в Ленинграде, он обнаружил брошюру германского копировальщика и художника Франца Кесслера, напечатанную 1 сентября 1615 года под назва-

нием «Unterschiedliche bißhero mehreen Theils Secreta oder verborgene geheime Kunst...» («О секретах и различных тайных искусствах...»), где упоминалась «водная броня», «с помощью которой каждый может провести под водой несколько часов, гулять на дне моря, читать, писать, есть, пить, петь и прочее». Страницы в брошюре оказались не разрезанными! И кто знает, быть может она попала туда из конфискованного собрания брата его жены, Бориса?

Страница брошюры 1615 г.
об изобретении водолазного колокола

Работы на Чёрном море

1-4: Работы на Южном Буге

Известно, что Рубена Абгаровича по праву считают основателем подводной археологии в нашей стране. Разумеется, данным вопросом занимались и до него, и в России с конца XIX столетия, и за рубежом. Однако именно он первым рассмотрел предмет академически широко и, с этой точки зрения, его действительно можно считать основателем данного направления в исторической науке.

Замечу, что термин «подводная археология», возникновение которого, порой, приписывают знаменитому археологу Владимиру Дмитриевичу Блаватскому (1899–1980), принадлежит Рубену Орбели, который, впрочем, быстро отказался от него, предпочтя более ёмкое понятие «гидроархеологии», и даже составил план фундаментального труда под названием «Введение в гидроархеологию»:

1. определение;
2. терминология;
3. история;
4. проведенные опыты;
5. методика работы;
6. организация;
7. правовые вопросы;
8. личный состав работников;
9. археологическая карта;
 - а) рекогносцировка,
 - б) разведка,
 - в) исследования в воде,
 - г) исследование материала;
10. гидрографическая организация;
11. подводная фотография;
12. авиация;

13. гидрогеология;
14. гидробиология;
15. пропаганда; актив, краеведческие музеи.

Кроме того, Рубен Абгарович, рассматривая возможность развития краеведческих музеев, активно продвигал идеи составления гидроархеологической карты подводных объектов и создания отдельного института и музея подводной археологии, о чём свидетельствует записка президента АН СССР В.Л. Комарова (1869–1945) начальнику ЭПРОН Ф.И. Крылову, написанная в конце 1937 года и хранящаяся в деле № 293 фонда 1104 СПбФ АРАН:

В ответ на Ваше письмо от 19 сего ноября сообщаю, что вопрос об учреждении в системе Академии Наук Музея, в котором могли бы быть сосредоточены и изучаться находки исторического значения из морей, рек и озер СССР, будет мною возбужден в установленном порядке...

В деле № 31 СПбФ АРАН хранится отчёт о работе, произведённой водолазами ЭПРОН в акватории Феодосии 27 октября 1939 года:

Во исполнение задания об обследовании южной части... Феодосийского порта... водолазная станция... в составе двух водолазов т.т. М. Ф. Гусько и В. В. Дохно при парусно-моторном катере ВК29 при капитане Лебедеве и мотористе т. Ус с качальщиками и гребцами обследовали под личным руководством профессора Орбели указанное им прибрежное пространство за доковой башней. Погода обследованию не благоприятствовала. Туманно. Периодически небольшие дожди. Плохая видимость.

Приступили к работе в 8 ч. утра, закончили в 13 часов дня.

Водолаз М. Ф. Гусько опустился 3 раза. При 2-ом спуске... была установлена точка, с которой начинается каменная гряда, идущая от береговой линии... на протяжении 30 метров и шириной от 6 до 7 метров. При третьем спуске водолаз т. Гусько согласно заданию извлек из гряды три камня, которые на концах были подтянуты на водолазный бот. Камни направлены в 2 часа дня по оформлению... в Музей краеведения г. Феодосия в сопровождении проф. Орбели.

*Проф. Орбели
Водолаз Гусько*

Р. А. Орбели с водолазами ЭПРОН в октябре 1939 г.

Имеет смысл процитировать также два письма Рубена Абгаровича, одно из которых, хранящееся ныне в деле № 288 того же архива, было написано простому мальчику, помогавшему ему в работе:

6 ноября 1937 г.

Володя!

Когда мы в Саботиновке подняли челн из Буга, ты, увидав, как работают наши советские водолазы, сам захотел стать водолазом и попросил меня помочь тебе.

Я доложил Начальнику Главного Управления Краснознаменной Экспедиции подводных работ СССР, флагману 2го ранга товарищу Крылову о твоём желании и о том, что ты первый нащупал челн в воде, когда нырял.

Начальник согласился на мою просьбу, так как ты по возрасту еще не подходишь, — зачислить тебя в кандидаты в ученики Военно-Морского Водолазного Техникума — он в Балаклаве, в Крыму.

Присылай скорее заявление:

Ленинград. Наб. Красного флота 34. Главное управление ЭПРОН. Профессору Р. А. Орбели

Это адрес, а в бумаге так:

Начальнику Краснознаменного Эпрона, флагману 2 ранга товарищу Крылову Ф. И.

колхозника села Саботиновка Грушецкого района Владимира Глухого 15 лет.

Ныряя в Буге, я заметил челн, который привезли к Вам в Ленинград, и сейчас уже об этом рассказал хлопцам и всем. Мне очень понравилось, как работают Ваши водолазы, и я просил дедушку профессора Орбели принять меня в водолазы. Я хочу учиться этому и прошу Вас зачислить меня Кандидатом в Военно-Морской Водолазный Техникум в Балаклаве. Мне 15 лет, и я постараюсь до того

учиться, чтобы скоро стать водолазом и хорошо работать для нашей родины.

(подпишись тут)

Тебя примут! Пиши скорее...

Ваш челн недавно приехал прямо на арбе. Он очень долго шел по железной дороге. Теперь он стоит на козлах — высоко, так что хорошо видно. А скоро мы его поставим в Музей.

Арбу скоро Вам пошлем обратно. Ты кланяйся всем в колхозе и скажи, что теперь Ваша Саботиновка прославилась. Про нее все спрашивают, а я про Вас рассказываю.

Скажите хлопцам, чтоб хорошенько учились, особенно по истории народов СССР и помнили, что я им рассказывал... о том, как человек завоевывает морские глубины, и как надо беречь то, что дает природа и что нужно людям, государству и науке.

Будьте здоровы. Я вас всех помню...

Профессор Орбели

Ф. А. Шпакович

Поясняя смысл процитированного письма, добавлю, что в сентябре 1937 года экспедиция под руководством Р.А. Орбели при участии водолазов из Одесского Аварийно-Спасательного отряда ЭПРОН Токаревского и Титаренко размыла грунт и подняла из реки Буг дубовый челн длиной около 7 метров и шириной около 80 см. Этот челн, который оказался несколько менее древним, нежели предполагалось, хранится ныне в Военно-морском музее Санкт-Петербурга.

Другое письмо находится в деле № 332 того же архива и адресовано водолазному специалисту и начальнику Военно-Морского Водолазного техникума (ВМВТ) Феоктисту Андреевичу Шпаковичу (1879–1964):

Глубокоуважаемый Феоктист Андреевич,

Спешу Вам сообщить, что возбужденный мною вопрос о работе в Херсонесских водах получил в Главном Управлении благоприятное разрешение. На моей докладной записке по плану исторических изысканий в Августе-Сентябре Фотий Иванович наложил резолюцию: «Согласен использовать на практике учеников ВМВТ под руководством пр. Орбели Р.А. 27-го он просил написать Вам об этом. В плане упомянутых наших с Вами предварительных переговорах... оговорено, что выделенный Вами отряд водолазов будет работать под Вашим командованием и техническим наблюдением.

...На первый случай я просил 2–3 водолазов при боте на 2-х месячный срок в период производственной практики... Обследовать предстоит береговую линию, приблизительно в 0,75–2 км.

Весь июль я с головой занят обработкой накопившегося материала по античному миру и подготовкой к печат-

ти новой работы. Но думаю, что мне надо прибыть хоть на два-три дня, т. е. в конце июля.

...Конечно, при работе мне часто приходится ночевать на месте по-походному, но все же считаю во всех отношениях правильным, чтобы моя база была на территории Техникума, и прошу Вашей помощи.

Жена и дочь, которая будет помогать мне в работе, абсолютно не взыскательны и вполне удовлетворяются тем помещением, которое при перенаселенности Техникума Вам удастся для нас выделить.

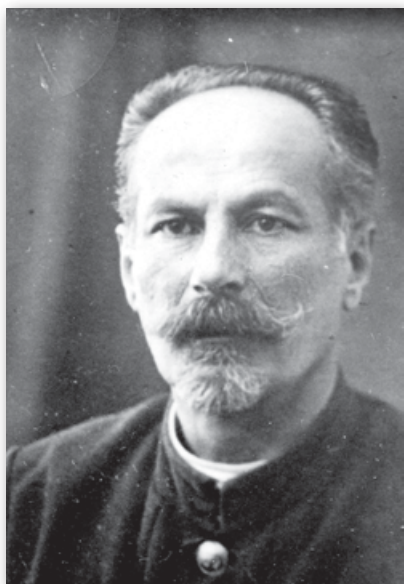
Последнее время Ф.И. [Фотий Иванович Крылов] болел. Дня два как стал бывать в Гл. Управлении. Очень озабочен практической работой на периферии... Погода у нас стоит южная, как говорят, «мировая».

Я с большим удовольствием думаю о предстоящей работе с Вами...

10 июня 1937 года Рубен Орбели прочёл в ВМВТ лекцию на тему «Из наших изысканий по истории водолазного дела» и согласовал детали предстоящей работы во время учебных спусков курсантов, в 1938-м подготовил обоснование для проведения обширных гидроархеологических работ, получив поддержку Академии наук, в 1939-м обследовал с эпроновцами акватории Тихвинского района, после чего работал в Одессе, Феодосии, Коктебеле, составил план на 1940 год и приступил к его осуществлению, контактируя со всевозможными организациями, но молодая наука потребовала гораздо больше усилий и средств, чем казалось неисправимому романтику. К тому же все его планы были перечеркнуты начавшейся войной.

ЭВАКУАЦИЯ И СМЕРТЬ

3 августа 1942 года академик Леон Абгарович Орбели в телеграмме, присланной из Москвы в 21.25 распорядился: «ВЫДАЙТЕ РУБЕНУ АБГАРОВИЧУ И ОЛЬГЕ ВЛАДИМИРОВНЕ ОРБЕЛИ ДВЕ ТЫСЯЧИ В СЧЕТ МОЕЙ ЗАРПЛАТЫ КАЗАНИ ТЧК ОКАЖИТЕ ПОМОЩЬ ЭВАКУАЦИИ САМОЛЕТОМ ТЧК».

Р. А. Орбели в начале 40-х гг.

Согласно справке от 12 августа 1942 года, представленной Эвакогоспиталем, развёрнутом на базе Института экспериментальной медицины в доме 12 по улице Академика Павлова, где Рубен Абгарович находился на лечении, он являлся «лежачим больным» и был «болен дистрофией II–III степени

с отеками ног и общей слабостью». Справка эта была представлена «на предмет эвакуации санитарным самолетом».

В справке от 27 августа 1942 года за подписью заместителя директора Института физиологии им. И.П. Павлова АН СССР по научной работе Анны Васильевны Тонких (1886–1980), выданной для предоставления по месту работы в ЭПРОН, было написано, что Рубен Абгарович «эвакуируется из Ленинграда с учреждениями Академии Наук СССР». Эвакуации подлежали и члены его семьи — дочь и жена. При этом занимаемая ими жилплощадь в квартире 5 дома 63 по Каменноостровскому проспекту общей площадью 50 кв. метров бронировалась.

В справке, направленной в ЭПРОН в конце 1942 года из московского военного госпиталя, было указано, что у поступившего на терапевтическое отделение Р.А. Орбели диагностирован авитаминоз, истощение, правосторонний плеврит и миоидистрофия сердца.

В апреле 1943 года полковник медицинской службы Морошкин подписал следующий документ:

СПРАВКА

Дана проф. Орбели Р.А. в том, что он с 28 ноября 1942 по 1 апреля 1943 г. находился на лечении в Центральном санатории Красной Армии «Архангельское» по поводу заболевания туберкулезом легких с наличием деструктивного процесса, туберкулезным полисерозитом, остаточными явлениями алиментарной дистрофии, артериокардиосклерозом, хроническим энтероколитом, часто обостряющимся ахилией.

За время пребывания в санатории состояние больного несколько улучшилось, но все же продолжает оставаться тяжелым. Больной нуждается в постоянном уходе, соответствующих гигиенических условиях и систематическом наблюдении врача-специалиста туберкулезного учреждения г. Москвы.

Лариса Георгиевна Кондратьева сохранила записку, написанную хирургом Петром Васильевичем Мандрыка, генерал-майором медицинской службы и главным врачом Центрального военноморского госпиталя наркомата обороны, названного впоследствии его именем, в которой он указал, что у Рубена Орбели были диагностированы дистрофия и туберкулёз, осложнённый тяжёлым асцитом, то есть скоплением жидкости в брюшной полости.

После полуторамесячного лечения в больничной палате, где Рубен Абгарович находился некоторое время вместе с Ираклием Андрониковым (1908–1990), страдавшим заболеванием печени, его перевели в санаторий в Архангельском, а затем переселили в предоставленную в Москве квартиру по адресу: Чкаловская улица, дом 2, корпус 2, кв. 1.

Однако в апреле 1943 года Пётр Васильевич Мандрыка скончался, а спустя месяц, в ночь на 9 мая, в возрасте 63 лет умер и Р. А. Орбели. На похоронах, состоявшихся через три дня, несмотря на военное время, присутствовало немало народа, в том числе врач ЭПРОН Константин Павловский (1895–1948) и, разумеется, члены семьи, включая Леона Орбели, посетившего брата 8 мая за несколько часов до смерти.

Идея Рубена Абгаровича Орбели, что только тесное сотрудничество работников науки с практическими работниками водолазного дела, обладающими соответствующей техникой для изысканий под водой, может обеспечить успех развития гидроархеологии, будет и впредь широко проводиться в жизнь и служить основой роста дружбы людей науки с работниками водолазного дела.

Светлый образ ученого и борца Рубена Абгаровича Орбели всегда будет служить нам примером и путеводной звездой, освещающей путь к новым завоеваниям в изучении и освоении подводных пространств на благо нашей великой Родины.

У. Кавказу
В. Демидов
Мариямаша Шагинян

А. Кривош
 Академик А. Кривош.

В. Кошаров
 с. з. Бурхучерие.

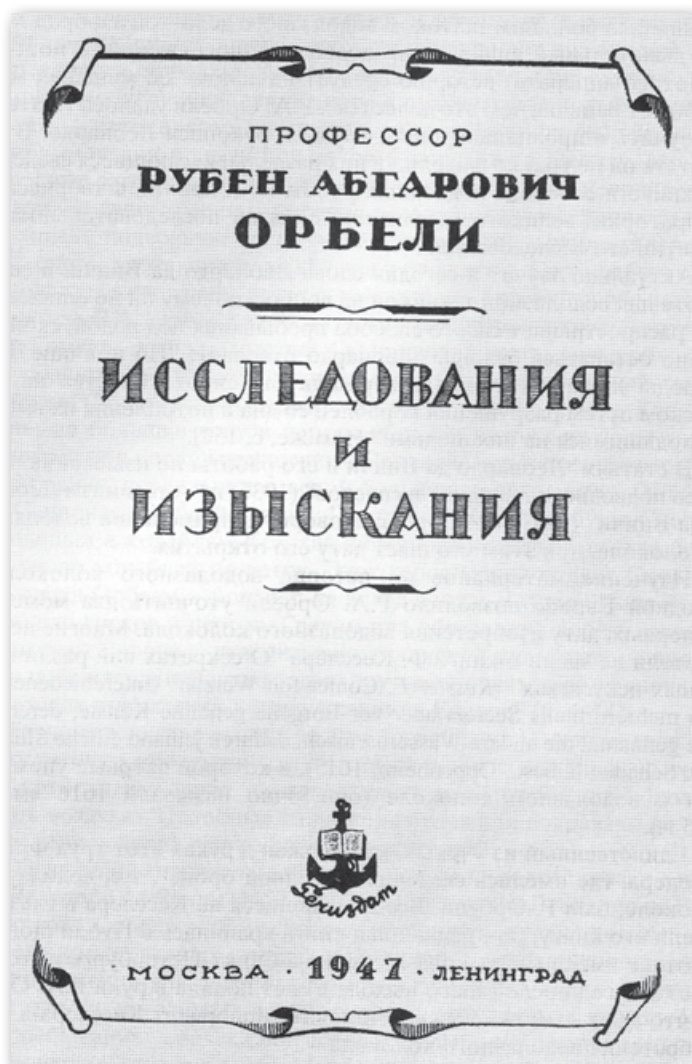
И. Мезаннинг
 И. Мезаннинг.

И. Радичев
 проф. И. Радичев
 Акад. С. Вавилов.

Анна Алексеевна

*Бу дунга махад бадак арсало хан и маркази
 нинг ишгарсиз. Но вако в нинг нинг
 г. т. бр 5 акад. Урланг с нинг раздални,
 но не казани. Бурхучерие болганис оту
 раздални. Нинг Ар Рунг (Домини)*

Некролог Р. А. Орбели

Книга «Исследования и изыскания»

Через два года в некрологе с названием «Памяти ученого и борца» в журнале «Судоподъем» за № 1 (29), подписанном академиками С. Вавиловым, В. Комаровым, А. Крыловым и И. Мещаниновым, контр-адмиралом Ф. Крыловым, поэтессами Анной Ахматовой и Мариеттой Шагинян, капитаном 1-го ранга Н. Максимцом и другими, хотя в самом издании фамилии Ахматовой не оказалось, делом чести было названо стремление «помочь жене покойного в разработке и подготовке к изданию огромного научного наследия Р.А. Орбели», а в 1947 году в издательстве «Речфлот» тиражом 3000 экземпляров вышел сборник под названием «Профессор Рубен Абгарович Орбели. Исследования и изыскания. Материалы к истории подводного труда с древнейших времён до настоящих дней». В этом сборнике, являющемся сейчас библиографической редкостью, и были опубликованы статьи Р.А. Орбели по истории водолазного дела и подводной археологии, не все полностью законченные, а также фрагменты, которые, наряду с некоторыми из вышеупомянутых статей, должны были стать составляющими задуманной им серии монографий.

Часть вторая

ОЛЬГА – АННА – РУСУДАНА

ОЛЬГА

Её отцом был Владимир Васильевич Никольский (1836–1883), родившийся в семье священника, что во многом предопределило его жизненный путь. Пожил он недолго, но сделать успел немало: окончил духовную академию, в 1859 году стал титулярным советником, спустя три года — коллежским асессором, а в 1877-м — действительным статским советником.

Несмотря на духовное образование, Владимир Васильевич не стал религиозным деятелем, но, оставаясь искренне и глубоко верующим, получил звание профессора словесности и должность инспектора Императорского лицея. Он дружил с Модестом Мусоргским, подсказав тому идею создания оперы «Борис Годунов», написал книгу о творчестве Пушкина, изданную посмертно, и начал собирать библиотеку старинных рукописей и книг.

Маму Ольги звали Марией Ивановной. Она родилась в 1844 году в семье протоиерея лейб-гвардии Кавалергардского полка Ивана Николаевича Скроботова (1812–1869) и после смерти мужа подала прошение о присвоении ей дворянского достоинства, которое было удовлетворено 24 мая 1885 года и в дальнейшем сыграло в судьбе её детей негативную роль.

Кроме Ольги, появившейся на свет 19 мая 1878 года, в семье было пятеро детей: Евгения, родившаяся 5 декабря 1864 года, София — 2 февраля 1867 г., Борис — 3 октября 1870 г., Людмила — 30 августа 1873 г. и Игорь — 12 февраля 1882 года рождения.

Ольга Никольская в любительском спектакле

Смолянки

Евгения вышла замуж за директора Александровского лицея Александра Петровича Саломона (1855–1908) и умерла в январе 1916-го после перенесённого годом ранее паралича, а Людмила — за преподавателя того же лицея Людвиг Антонович Лассим (1839–1908). От последнего брака была рождена дочь, тоже Людмила, вышедшая замуж за иранца Дживада Синеку и уехавшая на его родину. А Людмила Лассим оставила переписку, сохранившуюся в РГИА.

Ольга Владимировна окончила в 1895 году Смольный институт благородных девиц. Одной из её сокурсниц была Ксения Эрдели (1878–1971), в будущем — знаменитая арфистка, композитор, педагог, народная артистка СССР и профессор Московской консерватории, написавшая мемуары, опубликованные в 1967 году под названием «Арфа в моей жизни».

Ольга Никольская и Ксения Эрдели

Свидетельством их дружеских отношений является совместная фотография, на обратной стороне которой имеется надпись: «На добрую память дорогой Оле от крепко любящей ее Ксеніи Эрдели».

Замуж Ольга вышла относительно поздно. Избранником её стал Рубен Орбели, начинающий юрист, один из учеников брата, армянин по национальности. Однако его родители, так же как и мать Ольги Никольской, дали согласие на брак лишь после того, как молодые люди уехали в Йену, выразив этим поступком отношение ко мнению родни, не согласной с их выбором, о чём свидетельствует и письмо Ольги Никольской будущему мужу, хранящееся в деле № 337 фонда 1104 СПбФ АРАН:

веч. 27го м. 1905

Очень давно я тебе не писала, сегодня много мыслей и писать хочется, но трудно — очень слаба. Впрочем, это пустое, душе хорошо.

Уже сильнее хочется ехать за границу. Другого ничего не придумаешь. Там же мы никому неведомые люди, прятаться не надо; чужая страна...

Оба будем заниматься. Я — историей, кот. тебя более интересует...

...мы будем благоразумны. Я не должна так уставать. Весна для меня опасное время...

Я счастлива, Рубен! Такую любовь, как наша, не только не многие испытали, но лишь немногие и знают о ней... любовь моя к тебе бесконечна, страдать для тебя, ради тебя, с тобою я всегда готова. Я люблю тебя. Скажи сам: ждать случая, или теперь дать тебе то, что я хотела?

Ольга

В делах за №№ 378 и 420 того же фонда хранится переписка между Рубеном и Ольгой, содержание которой для наших современников могло бы показаться вполне невинным, но для того времени являвшееся достаточно откровенным. Во всяком случае, я принял решение не публиковать её, за исключением некоторых фрагментов:

Суббота 15 января 1905 г.

Ночью по возвращеніи

Мнение извозчика от насъ: «Славную, баринь, барышню закургоздили... Пріятная, разговорная. Дай Богъ и мне такую, Истинный Богъ!».

Но не бойтесь — я ему ничего не рассказаль. Только согласился и пожелаль ему исполненія.

...Такъ и вижу, какъ ты ложишься и засыпаешь, улыбаясь, да, да?... хочу, чтобы улыбалась всегда, всегда; чтобы всегда тебе было легко и хорошо, моя радость!

...У меня теперь есть такое богатство. Есть ли кто-нибудь богаче и счастливее?..

20 апр. 1905

Я поеду, по всей вероятности, въ Halle — въ 31 м. езды отъ Лейпцига...

Нравится ли Вамъ такая комбинація: Вы едете въ Лейпцигъ: Цендтъ и Оствальдъ — натурфилософія?

Я предполагаль еще такую: я — въ Тюбингенъ, а вы — якобы въ Гейдельбергъ, но эти города довольно далеко другъ отъ друга и нетъ скорого сообщенія.

Такая поездка за границу оказывается выгодной и съ формальной — университетской т. зр. — прослушаніе семестра у знаменитости — достаточное условіе для

продолженія стипендіи, а это значить, что и след. зима — моя...

Рубень

Вечеромъ напишу, что узнаю.

Напишите сегодня о себе, очень прошу.

25 апр. 1905

1 часъ ночи

Какое дивное чувство я ношу въ своей груди! Я люблю тебя, я тоскую по тебе съ той минуты, какъ разстался с тобою сегодня, я жажду тебя снова чувствовать возле себя и лелею эту любовь, эту тоску, эту жажду и радуюсь, радуюсь, что есть все это у меня...

Ты жаждала любви, ты хотела полюбить, ты ждала любви и берегла свое чувство, и носила его въ себе, не отдавая никому, покуда не нашла кого хотела. И я жаждаль любви... Я бросался къ каждой проходившей мимо меня женщине и любилъ ее всею данною мне страстью. Нет, не она, нет, и не эта! Мимо! Я спотыкался, я падалъ, я падалъ очень низко... я изнемогъ. Сердце мое излюбилось, я не могъ больше любить и въ отчаяніи прокинулъ свою участь... Отверженный! Рабъ, расточившій вверенное благо! Нищий!

Я полюбилъ! Мне возвращено все мое! Я призванъ къ жизни. Встань, люби — живи!

...Я любимъ!... Она это говорить... Не сама-ли она божественна, возродившая меня, поднявшая меня, заставившая меня чувствовать себя богомъ...

Мы, обнявшись друг съ другомъ, и улыбаясь всему ясному и светлому для насъ міру, полетимъ и отдадимъ себя за то, что мы оба полюбили, лишь только увидевъ светъ... Благодарю тебя, Создатель!

Рубень

11 мая 1908 года Рубен Орбели и Ольга Никольская вступили в брак, о чём свидетельствуют два архивных документа. Первый из них представляет собой приглашение на свадьбу:

Марія Ивановна Никольская покорнейше просить Васъ пожаловать на бракосочетаніе дочери Ольги Владимировны съ Рубеномъ Абгаровичемъ Орбели ___ мая въ 5 ч. дня въ домовую церковь Св. Елизаветы, Вас. Остр. 3-я л. д. Елисеевыхъ 32, а затемъ въ Армянскую Григоріанскую церковь Св. Екатерины, Невскій 42.

Другим документом является выписка из метрической книги о бракосочетавшихся за 1908 год в церкви свв. Прр. Захария и Елизаветы:

...помощникъ Оберъ-Секретаря Гражданскаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената Титулярный Советник Рубен Абгарович Орбели, армяно-григоріанскаго вероисповеданія, первымъ бракомъ, 28 летъ и Дочь Действительнаго Статскаго Советника девица Ольга Владимировна Никольская, православнога вероисповеданія, первымъ бракомъ, 30 летъ. Таинство совершилъ священникъ Павел Данилов с диакомъ Павломъ Федосеевымъ и псаломщикомъ Иоанномъ Овечкинымъ. Поручители отъ жениха: студентъ Санкт-Петербургскаго Университета Иосифъ Абгаровичъ Орбели и потомственный дворянинъ Константинъ Антоновъ Вальтер, отъ невесты: сынъ коллежскаго ассессора, князь Дій Эсперович Ухтомский и титулярный советникъ Владимиръ Александровичъ Саломонъ.

Эта церковь, при Елизаветинской богадельне братьев Елисеевых, и ныне стоит на 3-й линии

Васильевского острова, но не действует и находится в заброшенном состоянии. Павел Матфеевич Данилов служил в ней вплоть до её закрытия в 1923 году, а Павел Симеонович Федосеев и Иван Петрович Овечкин — до 1916 года. Константин Антонович Вальтер был убит на фронте в июле 1917 года, Дий Эсперович Ухтомский (1886–1918) впоследствии умер от туберкулёза, а Владимир Александрович Саломон (1885–1918), сын Александра Саломона и Евгении Никольской, умершей годом ранее, трагически погиб в том же, 1917 году.

В архиве РАН сохранилась телеграмма, отправленная в день бракосочетания Рубена и Ольги с Николаевского вокзала:

*ПОЗДРАВЛЯЮ НОВОБРАЧНЫХЪ ЖЕЛАЮ
ДОЛГОГО И ПРОЧНАГО СЧАСТЬЯ*

МАРР

Поселилась молодая семья на набережной реки Ждановки 7 в квартире № 8.

В старости мать Ольги, Мария Ивановна, приняла решение провести остаток жизни в так называемом Вдовьем доме. В деле № 65 1006-го фонда РГИА сохранились её письма одной из дочерей, Людмиле Лассим, которую звали в семье попросту Микой, некоторые фрагменты которых я полагаю важным процитировать. Первое из них было написано в августе 1916 года:

Милая, дорогая Мика!

Сегодня Успеніевъ день, — прошло 10 дней, что я во Вдовьем Доме... Сегодня был у меня Игорь... Онъ служить теперь въ полевомъ контроле въ Петрограде... Во-

лодю [её внук, старший сын Бориса Никольского — А. С.] брать на войну! Впрочемъ м.б. еще удастся отстоять, не попадетъ ли въ Пажескій корпусъ или въ Юнкерское училище?

Вскоре за этимъ письмомъ Марія Ивановна написала другое, ответное письмо Людмиле:

Дорогая Мика!

Я сейчасъ 16-го получила твое письмо... Я утешаюсь мыслию, что такъ хорошо воспитала своихъ дочерей, вместе съ отцомъ, конечно; у насъ были до того одинаковыя мысли о воспитаніи и образованіи женщины, что намъ не надо было и сговариваться.

Я выросла въ косной старинной среде; но она была мне до того чужда, что я глубоко страдала душою при мысли, что женщина низшее существо, что она можетъ быть только т. ск. дополненіемъ мужчины; темъ не менее я не имела возможности выбиться изъ этого состоянія и съ мужествомъ и упованіемъ на Высшую справедливость несла свой долгъ... Напиши мне, что тебе завещать изъ вещей...

В следующемъ письме было написано о супруге её дочери Ольги:

...Орбели уехали на дачу въ Болгое — на месяцъ, а потомъ поедутъ по Россіи — по Волге на пароходе... Рубень занялся проповедью; началъ еще въ Петрограде проповедовать о Христе и собираетъ тьму народа. Тенишевскій заль бываль полонъ; его окружають, приветствуютъ; собирается всякій народъ: и армяне и грузины, большинство русскихъ, приходятъ католическіе аббаты и много дру-

гихь... Рубень говорить съ увлечениемъ, по моему даже излишнимъ...

Игорь служить въ контроле, чуть чуть не уехалъ въ Америку!

Из письма от 26 сентября:

...Ты спрашиваешь меня, привыкла ли я къ Смольному? — Привыкаю, разъ такъ угодно Богу. Но действительность всегда расходится съ воображениемъ. Такъ и я все иначе представляла себе, особенно людей. Все чужие, холодные... Здоровье мое плохо; очень плохо, не богдельню мне надо было, а больницу, если не санаторію... Конечно, хорошо и то, что меня приняли во Вдовій домъ. Но эти два месяца я была уже два раза больна...

В другом письме Мария Ивановна выражает беспокойство по поводу судьбы внучки, дочери Людмилы Лассим, собравшейся выйти замуж за иранца Синеку:

Милая моя деточка!

...мы ведь не знаемъ даже какой онъ веры; если у нихъ будутъ дети, будутъ ли они персами, или французами, т. е. мусульманами или католиками...

Русенька учится по-французски. Оля работаетъ. Рубень служить...

В письме от 12 декабря 1916 года Мария Ивановна пишет, что «Синекки запаздываютъ на целую неделю», а в другом спрашивает и беспокоится о предстоящем браке внучки:

...Какъ поживаете вы съ Милушей? Вернулся ли Джевадь? Не увезъ бы онъ ее въ Персію... Грустно тебе будетъ одной, если останешься. Но не будемъ загадывать. Все въ рукахъ Божіихъ. Вотъ я живу же одна, имевши столькихъ детей...

В последующихъ письмахъ Марія Ивановна начала описывать предреволюционные события:

Милая дорогая Мика!

...На дняхъ я узнала, что все титулы даже такіе какъ благородіе, высокородіе, превосходительство отменены, и письмо такъ адресованное почтою не доставляется. Впредь пиши мнѣ Маріи Ивановне Никольской... По городу совершаются прогулки войскъ конныхъ и пешихъ съ флагами, музыканты играютъ марсельезу, доходятъ до насъ, до Смольнаго, выстроятся, отдохнуть и назадъ. Газеты между темъ обещаютъ наступленіе на Петроградъ немцевъ... Я сижу въ своемъ заточеніи, выходить не могу. Снегу навалило уйму; нигде не метуть, не скоблятъ, и не чистятъ... 23 ч. будутъ хоронить погибшихъ... на Марсовомъ поле въ 4х его углахъ; будетъ большая процессія, но безъ духовенства...

Воистину Воскресе! Милая Мика!

...У врем. правительства расколъ, жизнь дорожаетъ, близкіе въ беде... И до насъ дошло. Гербъ сняли съ воротъ... Володя переменялъ три положенія: изъ Гимназіи перешель въ Правоведеніе; потомъ перешель вольноопределяющимся въ Семеновскій Полкъ... и теперь занимается и юриспруденціей и несетъ военную службу...

Дорогая моя!

...если у васъ чай можно купить, пришли мне вместо денегъ 1 ф. чаю, и муки, здѣсь нѣтъ никакого бѣлаго хлеба. Даютъ старыи хлебъ даже въ лазарете...

Милая Мика!

...Мы въ Петроградѣ живемъ въ волненіи и страхе. Приближается голодь... Сегодня напр. была одна размазня гречневая. Бѣлаго хлеба не даютъ уже давно, одинъ черныи... Девушки все безъ исключенія стали грубы и злы... А въ городе перемена за переменной, все лучшія зданія отдаютъ солдатамъ или подъ новыя учрежденія.

Николаевскій Смольный нашъ родной отдаютъ подъ какія то учрежденія д. солдатъ, а институтокъ переводятъ — кто говорить въ Гатчино, кто въ Казань, кто куда. Разговоръ много; чему верить? Мы тоже пережили недобрыя дни... вокругъ палили пулеметы, палили изъ пушекъ... Завтра 22е и прежній праздникъ будетъ только Богослуженіе — 23. Батюшка — настоятель Собора приглашаетъ всехъ приходить на выборы членовъ Духовнаго Союза...

Сегодня я... ждала Борю, вызывала по телефону, а онъ прислалъ Рому [другой еѣ внук, младшій сын Бориса Никольскаго — А. С.], и тотъ предупреждаетъ, что они 24-го уезжаютъ въ Любань... Боря почти совсемъ не бываетъ у меня. Катя [жена Бориса Никольскаго — А. С.] поселилась въ Любани. Она стала очень странная...

Любящая Васъ мама и бабушка. М. И.

Милая моя, дорогая Мика!

...въ действующей арміи солдаты... не слушаютъ командировъ, убиваютъ офицеровъ и самихъ командировъ;

въ Россіи анархія; убиваютъ свои-же помещиковъ, грабятъ имущество, истязаютъ женщинъ и проч...

Вотъ кому, говорятъ плохо, это Борису; живетъ съ Ро-мушкой; получаютъ все по карточке... На улицахъ солдаты, солдаты, солдаты — толстые, грязные, грубые, злые; въ трамвай не попадешь, т. е. рискуешь быть выброшеною, сдавленной...

А лето у насъ стоитъ теплое, ясное, дождя совсемъ нѣтъ...

—

Милая моя Мика!

...пальба, стрельба...

Убийство, кровь, похороны, еще хорошо, что мы ихъ не видимъ... Сегодня видела Бориса, онъ говорилъ, что дрова березовые доходятъ сейчасъ до 100 рублей... О другихъ страстяхъ я уже не пишу; все получается въ очередь, по карточкамъ, часто и хлеба не бываетъ, однимъ словомъ — скорбь...

9 июля 1917 г.

В деле 52 1006-го фонда РГИА сохранилась «Выпись изъ метрической книги... о умершихъ за 1917 годъ выданная причтомъ Екатерининской Петроградскаго Вдовьяго Дома церкви 1917 года Октября 11 д. № 127» о том, что «вдова Действительнаго Статскаго Советника Марія Иванова Никольская» умерла в возрасте 73 лет 25 сентября «отъ старческой дряхлости» и была погребена спустя два дня «на кладбище Александро-Невской Лавры, братіей оной».

Исповедовал её протоиерей Михаил Иоаннович Тихомиров, который и подписалъ свидетельство

о смерти вместе с дьяконом Павлом Николаевичем Землянским (1882–1937), впоследствии арестованным и умершим в Лужской тюрьме. Напомню, что эта церковь сохранилась в виде Северо-восточной башни бывшего Смольного монастыря.

В письме сестре Ольге от 29 сентября 1917 года Мика, не сумевшая приехать на похороны матери, писала:

Бедная мама — по многим причинам жизнь ея была сплошным страданием... Но по твоим словам кончина ея была тихая, чисто-христианская, и в смерти только она обрела тот покой, кот. никогда не был ея достоинством при жизни.

Борис Никольский

Старший брат Ольги Никольской, Борис, учился в гимназии Историко-филологического института, в Императорском училище правоведения и на юр-

факе университета, преподавал в Александровской военно-юридической академии, работал в Петербургском коммерческом суде, а впоследствии стал крупнейшим специалистом по вопросам римского и гражданского права, благодаря чему не только читал курсы в Училище правоведения и в Юрьевском университете, но и был приглашен для обучения сыновей великого князя, поэта и драматурга Константина Константиновича Романова (1858–1915) — Олега (1892–1914), погибшего в начале войны, и Гавриила (1887–1955).

В юности он увлекался поэзией и драматургией, издал в 1899 году сборник собственных стихов, а позднее сосредоточился на педагогике, изучении правоведения и даже филологии, читая спецкурсы о творчестве Пушкина, Фета, а также современных литераторов и, возможно, своей глубочайшей религиозностью оказал влияние на одного из своих учеников — будущего мужа собственной сестры, Рубена Орбели.

Борис Никольский женился 7 июля 1895 года на Екатерине Сергеевне Шубинской. В одном из писем к сестре Ольге, датированном 22 мая 1891 года, Людмила Лассим написала следующие слова:

...Итак, Борисъ женился. Отъ всей души желаю ему счастья, ему а особенно Кате... при его деспотичном характере...

У Мики и Кати установились прекрасные отношения ещё до свадьбы и личной встречи, о чём свидетельствует письмо, написанное 24 ноября 1894 года:

...я вась невольно полюбила всей душой и уже не только как невесту моего брата... Я буду на Невскомъ у Гостин. Дв. (у часовеньки) въ понедельникъ в 3 ч... ждать вась; а то — назначьте сами... Одета я буду — или въ лиловую ротонду съ собольимъ воротничкомъ — или въ черную шерстяную кофту съ барашковымъ воротничкомъ и такими же большими круглыми пуговицами. На голове у меня будетъ черная шапочка съ хохолкомъ изъ черныхъ перьевъ и вуаль на ресницы...

Мне очень хочется познакомиться съ вами...

В делах за №№ 83 и 84 фонда 1006 РГИА хранятся документы, отражающие жизнедеятельность Ольги Владимировны Орбели. В анкете Школы пропагандистов при Ленинградском Обкоме и Горкоме ВКП(б), заполненной ею от руки и подписанной 13 декабря 1928 года, обозначено, что в 1902 году она окончила историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов, в 1898–1899 гг. обучалась в Парижском университете у профессора Лансона, а в 1903–1904 гг. — в Иенском университете, живя «на свои сбережения». Свободно владела немецким и французским языками.

В «краткой автобиографии», написанной на 11 страницах Рубеном Орбели в советское время, он указал, что жена его преподавала в Смоленских вечерних классах на Шлиссельбургском тракте, а «в 1905 году после картины 9го января, очевидцами которой мы были вместе, совершенно отклонилась от своей семьи с ее значительно более правыми воззрениями».

До революции Ольга Владимировна состояла членом-учредителем Петербургского общества физи-

ческого воспитания «Богатырь» и педагогического общественного петербургского рабочего кружка, в 1909 году написала работу под названием «Мировое значение Гоголя», переводила Анатоля Франса и других иностранных авторов, разрабатывала «Курс методики русского языка», изданный в Демидовских педагогических курсах в 1914 году, где, начиная с этого года, в течение четырёх лет она читала курс.

В графе о социальном происхождении Ольга Владимировна указала, что происходит «из мещан», что «в 1883 г. за выслугу лет отца дети были приписаны к дворянскому сословию», в графе о том, кто из родственников лишился избирательных прав, был арестован или судим, написала — «никто», а в графе о службе кого-либо из родных в войсках или учреждениях белых правительств — «ни я, ни мои родственники не были и не служили». Родственников за границей не имела, в политических партиях не состояла, к суду не привлекалась, партвыскааниям не подвергалась, в Октябрьской революции и Гражданской войне участия не принимала.

В 1918–1921 гг. Ольга Владимировна занимала кафедру методики в Тамбовском университете, преподавала там же на кафедре родного языка и литературы и подрабатывала в тамбовском Институте народного образования.

В документе за подписью ректора этого университета М. Никифорова, направленном 11 декабря 1919 года в тамбовский отдел коммунального хозяйства, написано:

Ольга Владимировна Никольская является ответственным работником Университета и безусловно нуждается

в электрическом освещении до 1 часа ночи, так как днем занята службой и подготовкой к лекциям, и вообще научная работа требует более продолжительного вечернего времени.

В 1921-м она была вызвана в Москву для чтения лекций по методике на педагогическом факультете МГУ, но переехала в Ленинград вследствие «болезни членов семьи».

Ольга Орбели в начале 20-х гг.

После возвращения в родной, уже переименованный город, Ольга Владимировна работала в комиссии по организации рабочих университетов, а с 1925 года занималась корректурой 2-го издания книги с описанием Волховстроя «Река в упряжке», изданной под редакцией Бориса Житкова в типографии Н. Бухарина в 1928 году. Примерно в те же годы она написала такие методические документы как «Руководство для самообразования по русско-

му языку», «О приемах быстрого обучения письму», «Основные принципы драматической работы в детских клубах», «Схема практического руководства по правописанию для рабочего», разрабатывала учебные планы и программы.

В одной из анкет Ольга Владимировна указала, что была в 1920–21 годах преподавателем на Командных Курсах С.-Кавказского округа, а в приложении к этой анкете, изложенной на вкладыше в виде тетрадного листа указывались должности и сроки работы в том или ином учреждении, коих набралось, как и у мужа, немало. После Тамбовского университета она работала в Северо-Кавказском народном университете, преподавала на курсах Октябрьской железной дороги, в Рабочем Университете Губпрофсовета, ДOME партпросвещения, Областной Партшколе им. Клары Цеткин, Политико-просветительном Институте им. Н.К. Крупской (с марта 1930 по февраль 1933 года), Всесоюзной кооперативной академии, Институте по труду и соцстраху (с 7 июля по 15 августа 1933 года), Домах партактивов Петроградского, Приморского и Свердловского райкомов ВКП(б), на рабфаке Всесоюзного сельхозуниверситета им. И.В. Сталина (с 1 марта 1935 по 15 июля 1938 года), в Военно-политической академии им. В.И. Ленина (с 7 сентября 1937 по 15 января 1938 года) и в Рабочем университете Педтехникума им. Н.А. Некрасова.

В её трудовой книжке, заполненной 24 января 1939 г. в Школе пропагандистов Ленинградского Обкома и Горкома ВКП(б), был обозначен общий стаж до поступления в это учреждение — 35 лет и 3 месяца. А согласно профбилету за №091843 и вклеенным маркам взносов, Ольга Никольская, чей трудо-

вой стаж исчислялся с 1902 года, не работала только с июля 1941 по начало августа 1944, когда она была поставлена на учёт в Аварийно-спасательном управлении на речных бассейнах (РАСУ ВМФ), где ей был выдан билет за № 404807.

Можно отметить, что, как и муж, Ольга Владимировна была, до некоторой степени, вовлечена в процесс работ в печатных изданиях ЭПРОНа, о чем свидетельствует её статья «К вопросу о восстановлении добычи жемчуга в СССР», опубликованная в журнале «Судоподъём» за 1947 год, освещавшая проблему добычи жемчуга, производимого на реках Беломорья начиная с XVIII столетия и прекращенного после революции.

В СПбФ АРАН содержится любопытный документ, направленный в Госполитуправление Ленинградского военного округа, который имеет смысл привести дословно:

Сообщив своевременно (26.X.1930), во избежание какой-либо политической ошибки, об остановке в Ленинграде, с разрешения Наркоминдел, и нахождении у меня моей свойственницы итальянской подданной Л. Л. Нейроне, считаю долгом представить Политуправлению нижеследующие заключительные сведения о пребывании ее в Ленинграде.

1. Гражданка Нейроне действительно использовала пребывание в Ленинграде для свидания с моей семьей, отдыха от дороги и консультации с врачом (проф. Гентер) в виду предстоящего длительного лечения в Каоми. Никаких поручений не имела, дома у меня никого не встречала, выходила всегда в нашем сопровождении и ограничилась неизбежными официальными посещениями консульства: за письмами от мужа, проверки визы и справок о дальнейшем путешествии, всякий раз в нашем сопровождении и на са-

мое короткое время. Вследствие этого несомненно вынесла впечатление, противоположное создавшемуся за границей, о возможности беспрепятственного общения с лояльными гражданами Союза при наличии честных намерений по отношению к нему со стороны иностранных подданных.

2. Мы, со своей стороны, сделали все, чтобы наилучшим образом обставить ее в смысле внешних впечатлений, насколько это было возможно за слишком короткий срок (с 26.X по 1.XI) при ее утомленности. С нами вместе она была на пьесах: «Ярость», «Красный мак», а также на постановочной «Сказке о царе Салтане», осмотрела Эрмитаж и Русский музей в их новом расширенном виде, после чего просила выслать ей новинки по Советской художественной литературе. Наилучшим образом осведомленные в области народного образования, мы продемонстрировали ей широкие задачи, поставленные в этой области Советской властью, новые методы преподавания и достижения в сфере культурного строительства в массах, освежив ей то, что невольно оставалось скрытым для человека, прошедшего 16 лет вне России, и притом получившего свое образование за границей — в Париже. У меня осталась полная уверенность в том, что пребывание у нас содействовало уразумению ею правильного смысла нашего строительства, мало доступного иностранцам.

3. В заключение я предложил Л.Л. Нейроне в случае возвращения в Тянь-Цзинь (возможен перевод ее мужа в Европу в виду истекшего 4-летнего срока службы в Китае) вновь сделать остановку в Ленинграде.

4. В двух полученных письмах Л.Л. Нейроне сообщает, что живет и лечится в Турине и собирается ехать на зимний курорт Ривьеру (Италия).

10 ноября 1930

Р. Орбели

По всей вероятности, Л.Л. Нейроне консультировалась с известным гинекологом, профессором Германом Генриховичем Гентером (1881–1937). Но кем же она была? Инициалы её могут расшифровываться как Людмила Людвиговна, а значит, эта женщина могла быть дочерью Людмилы Лассим, племянницей Ольги Никольской и бывшей женой иранца Джевада Синеки.

В деле № 420 СПбФ АРАН хранится письмо Ольги Владимировны, написанное в блокадные дни и адресованное Леону Орбели, в котором поражает отсутствие даже намёка на собственное состояние:

24 июня 1942 г.

Ленинград

Кировский 63, кв. 5

Дорогой Леон Абгарович,

Хорошо было бы Рубену уехать из Ленинграда сейчас, до новых возможных испытаний, которые нам предстоят, но после операции флегмоны на стенке живота он еще не в состоянии спустить ног. Операция дала резкие и длительные колебания температуры, а теперь тяжелые сердечные явления. Сам Рубен не все о себе знает. Сейчас ему лучше, но врачи требуют поддержать его питанием. Он имеет супы и каши, немного мяса. Почти не имеет сладкого. Не имеет ни вина, ни чая, ни шоколада, ни сливочного масла, ни молока — ничего. Мы не сможем поддержать его. Русудана еще зимой выменяла на хлеб все свое маленькое имущество. Мебель никто не берет: за великолепное бюро из красного дерева просят 700 р., другими словами, 1 к. 400 гр. черного хлеба. Академический подарок (он, конечно, весь был сохранен нами для Рубена) прибавил ему каш, оладий, сливочного масла, печенья. Ваша посылка, такой исключитель-

ный случай при нынешних обстоятельствах — очень волновала его и, несмотря на мои просьбы не ходить, он пошел за нею сам. На обратном пути трамваи остановились. Дул северный ветер. Он упал. В Ленинграде не поднимают упавших. Он тогда только что вышел из второго госпиталя, был слаб на ноги. Встал, пошел, недалеко от дома упал опять. Он так спешил за посылкой, т. к. был третий день, что нечего было есть, кроме хлеба. А 12 мая он упал, идя со мною, перед поликлиникой Эрисмана и, несмотря на мои мольбы, ни врачи, ни сестры не вышли в садик, где он лежал и почти умирал. В этот же день я положила его в третий госпиталь. Ни самой малейшей помощи, ни в какой форме, ниоткуда к нему не пришло после Вашего сообщения о правительственной телеграмме и оказании нам помощи при эвакуации. Мы не знаем, кому и от кого была послана телеграмма, и это было так давно. Нужны и деньги Рубену в дорогу.

Мой план для Рубена такой: когда он войдет в силу, непосредственно из госпиталя с врачом (такой врач есть, умный, тонкий, желающий его сопровождать, женщина) лететь в Москву. Там его надо встретить и при Вашей помощи положить его в подмосковный санаторий, наконец, в госпиталь, где хорошо кормят. Оттуда он может переехать в Казань, куда лежат его пути. Об'ективная ценность его научных работ начинает осознаваться. Готова работать в этом направлении, материал громадный собран, обработан, ему надо только поесть, чтобы быть в силах держать его в руках. Он полон творческих замыслов. Его работы представляют собою не только ценные научные исследования, но и талантливы по синтезу и образности их оформления. В частности возможны ошибки. Это возможно и важно. Иосиф Абгарович сказал Вам, что встречаются ошибки. Они бывают даже в гениальных работах. Их, может быть, нет в тех нескольких предисловиях и статьях реферативного характера, которые составляют ученые труды И. А.

Рубен, кроме своих работ, открыл целую новую область исследований — подводную археологию. Нельзя учесть сейчас той...

К сожалению, окончание этого письма, написанного на двойном тетрадном листке, утеряно, но из него становится понятным, что именно оно сподвигло Леона Абгаровича вплотную заняться эвакуацией брата.

3 августа 1944 года, то есть спустя почти пятнадцать месяцев после смерти мужа, Никольскую зачислили старшим переводчиком 7-го отдела РАСУ ВМФ, 5 января 1945 г. перевели на должность научного сотрудника 1-го отделения 6-го отдела Главного военно-речного управления, с разрешением работы в архивах, откуда 18 октября 1946 года она была «уволена за невозможностью дальнейшего использования» в связи с упразднением исторического отдела в журнале «Судоподъём», хотя уже после этого, с 23 ноября по 3 декабря, была командирована в Москву для сдачи дел.

8 марта 1945 года её наградили Почётной грамотой и месячным окладом, а 8 сентября вручили медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Ольга Никольская в огромной степени способствовала изданию собрания трудов мужа. 10 ноября 1946 года на бланке Ленинградского отделения «Речиздата» была написана справка, направленная в Главное военно-речное управление (ГВРУ ВМФ) о том, что «рукопись книги — однотомника проф. Орбели Р.А. в объеме 20 авторских листов принята издательством и находится в производстве».

2 декабря на имя начальника ГВРУ контр-адмирала Дмитриева поступило заявление Мариэтты Шагинян (1888–1982), хорошо знакомой с семьёй Орбели:

Прошу произвести все денежные расчеты за мою статью «Человек и ученый» с Ольгой Владимировной Орбели. Никаких денежных претензий по поводу этой статьи предъявлять ГВРУ не буду.

Аналогичное заявление от того же числа было направлено и Василием Павловичем Зубовым (1900–1963).

Законченный материал книги был принят ГВРУ 15 мая 1946 года, но процесс издания затянулся, и её сдали в производство только 10 ноября, а могли бы сдать ещё позднее, чему воспрепятствовало 5-страничное письмо Ольги Владимировны на имя министра речного флота.

О. В. Никольская с дочерью незадолго до кончины

Сама же она прожила долгую жизнь, успела познакомиться с внучкой, тоже Ольгу, рождённую в браке Русуданы и Алексея Мандрыка, сына знаменитого военного хирурга, возглавлявшего московский госпиталь, где скончался её супруг.

О. В.Никольская с внучкой

Один из ведущих мировых специалистов в области микроэлектроники Марк Петрович Гальперин упомянул в книге «Киты меняют кожу» о днях, проведённых им с семьёй Орбели. С разрешения Марка Петровича, который живёт в Австралии, я имею честь процитировать один из фрагментов:

Вдова Рубена Абгаровича, мать Русуданы Рубеновны, Ольга Владимировна, тоже жила у нас на даче в Разливе. Она была необычайно интересным человеком — имела прекрасное образование, владела многими европейскими языками, да и выглядела весьма колоритно — носила невообразимо длинную черную суконную юбку до земли, имела статную фигуру, гордую осанку, величавую походку. Её седые волосы всегда были красиво и аккуратно причесаны.

Ольга Владимировна рассказывала очень интересные истории из своей жизни, часто связанные с годами молодости. Мне особенно запомнился рассказ о том, как их семья уходила из Петербурга во время революции. Тогда волной несло на юг страны тысячи представителей русской интеллигенции, русского дворянства. Многие годы про них никто не вспоминал. Однако история всё расставила по своим местам, и сейчас мы знаем, что большинство этих людей бесспорно относилось к российской элите конца XIX начала XX веков. Их бегство не являлось каким-то антисоветским действием. Стояли тяжелые времена — неизвестность, разруха, голод, и люди просто не знали, что их ждет на Родине. Семья Орбели попала в общий водоворот. Они собирались добраться до южных границ и оттуда как-то перебраться в Европу.

Это была длинная и очень тяжёлая дорога. Города переходили из рук в руки — белых сменяли красные, красных — белые. Как-то семья оказалась в одном эшелоне

с белогвардейскими частями, отступавшими к югу. В другой раз они застряли на территории, занятой Красной армией. Новая власть выдавала продовольственные карточки, без которых выжить было просто невозможно. Для этого все люди, находящиеся на данной территории, проходили регистрацию.

В штабе сидел солдат и красивым каллиграфическим почерком, которому специально обучались писари царской армии, заполнял анкеты. Дошла очередь Рубена Абгаровича. Писарь записал фамилию, имя, отчество. Потом спросил: «Какая Ваша профессия»? Рубен Абгарович попытался объяснить, чем он занимается. Когда он получил бумагу, заполненную и скрепленную печатью штаба Красной армии, то в графе «профессия» прочитал — «мыслитель». Вот так воспринял простой солдат историю жизни, которую очень деликатно и интеллигентно изложил Рубен Абгарович Орбели. Так и закрепилось за ним в семье это ласковое прозвище «мыслитель»...

Умирала она мучительно, от рака, о котором ей сообщили в больнице Эрисмана, и тогда её дочь Русудана обратилась к известному онкологу Семёну Абрамовичу Холдину (1896–1975), который диагноз подтвердил, но, недовольный поступком больничных врачей, сказал Ольге Владимировне, что она страдает печёночными камнями. В сентябре 1953 года ей стало хуже, её вновь положили в больницу, откуда выписали в октябре, облегчая боли пантопоном, но страдания были настолько сильны, что, судя по рассказу Ларисы Георгиевны Кондратьевой, семья нашла врача, который за щедрое вознаграждение, несмотря на опасность уголовного наказания, осуществил эвтаназию.

Семья у постели О. В. Никольской

Ольги Владимировны не стало в ночь с 15 на 16 декабря. Отпевали её дома и хоронили на Богословском кладбище по православному обряду.

АННА

Как было отмечено выше, брат Ольги Владимировны, Борис, стал юристом, специалистом в области права, так же, как и отец, много преподавал, писал стихи и пьесы и, между прочим, открыл для широкой публики такого поэта как Александр Блок, опубликовав три его стихотворения в сборнике, вышедшем в 1903 году. Благодаря его усилиям библиотека Никольских превысила шестьдесят тысяч единиц.

Он находился в дружеских отношениях со многими талантливыми современниками, в том числе с Зинаидой Гиппиус (1869–1945) и будущим наркомом иностранных дел Георгием Чичериным (1872–1936), ставшим крёстным его дочери Анны.

Будучи ярым славянофилом и монархистом, Никольский принял сторону черносотенного движения. Революция и смена государственного строя не заставили его эмигрировать или хотя бы частично подстроиться под требования новой власти, для которой политические разногласия с оппонентами решались не в процессе дискуссии, а попросту — пулей.

Зимой 1918 года Борис Никольский написал такое стихотворение:

*Когда на стогнах Петрограда
Мороз и голод в грозный год
Людского гибнущего стада
Застигли трепетный разброд,
Когда в безбрежном море стонов,
Безумств, насильства и вражды,
Без власти, права и законов,
Без очагов и без еды,*

Во мраке ночи беспросветной,
Нещадной казни предана,
Терзалась мукой беззаветной
Моя несчастная страна,
Когда бывшие злодеянья
Гордыней блещущих веков
В немую бездну воздаянья
Россию свергли с облаков,
Когда ужасный жребий вышел,
И я слова его читал —
О, что я видел, что я слышал,
Что пережил, перестрадал.
Игра, балы, театры, встречи,
В казармах рынки, в школе мгла,
Холопством дышащие речи,
Растленно-рабские дела,
Измена, ставшая гражданством,
Изменой верность, долгом ложь,
И ложью долг, и мудрость пьянством,
И подлость подвигом... И все ж
Тоска сознания не затмила,
Что есть над нами небосвод
И незакатные светила —
Бог, Царь, Отчизна и Народ!¹

В деле № 4 фонда 1006 РГИА содержится духовное завещание Бориса Владимировича Никольского, говорящее о личности этого человека больше и ярче, нежели многочисленные интерпретации:

¹ Цит. по: Никольский Б. В. Сокрушить крамолу

Во имя отца, Сына и Святого Духа.

Находясь въ здоровомъ уме и твердой памяти, зная, что
возможеть случиться, пишу настоящее завещаніе.

Все мое имущество и все принадлежащіе мне права,
завещаю въ пожизненное владеніе жены моей, а по ея
смерти детямъ моимъ. Мои рукописи прошу по мере
возможности издать... При выборе и печатаніи завещаю
пользоваться советами и участіемъ друзей моихъ, барона
Александра Феликсовича Мейендорфа и Юрия Василье-
вича Чичерина... По достиженіи сыномъ моимъ, или стар-
шимъ изъ сыновей, совершеннолетія, поручаю ему вся-
кую заботу и решеніе о судьбе моихъ рукописей... Того
изъ наследниковъ, кто не пожелалъ бы подчиниться его
решеніямъ, кроме злоупотребленій по решенію третей-
скаго суда, лишаю наследства.

Детямъ моимъ завещаю, подъ страхомъ ответа передо
мною на суде Божіемъ, неизменно, безкорыстно, верой
и правдою, всю жизнь служить Государю и отечеству, пред-
почитая ихъ интересы всему въ мире, кроме совести, съ
которой те, о чемъ свидетельствую, разойтись не могутъ...
Пусть будутъ они Государю правдивыми и неуступчивы-
ми советниками... и нелицепріятными исполнителями
Его воли, и пусть помнятъ, что воля царская направленно
ко благу Россіи, если же нетъ, то такова Воля Божія. Пре-
ступнаго и превратнаго пусть не исполняютъ, идя подъ
гневъ и опалу, но верность пусть соблюдаютъ до последня-
го дыханія. Пусть умрутъ, но не предадутъ ни Царя, ни оте-
чества, какъ во славе, такъ и въ униженіи... храня трудовую
твердость и русскую справедливость всего рода нашего...
Какой бы путь жизни не избрали, пусть стремятся къ выс-
шему, возможному въ ихъ время просвещенію, воспитыва-
вая въ себе равнодушіе ко всемъ благамъ земнымъ и лич-
нымъ выгодамъ, но не впадая ни в юродство, ни въ лице-

меріе... Пусть никогда не отчаиваются и никогда не унывают. Пусть стремятся къ лучшему и высшему, что человеку возможно... Пускай... готовятся ко лжи, клевете, вражде, предательству, борьбе и ненависти; сами их не ищут, но нигде имъ не удивляются, нигде на нихъ не ропщутъ... Пускай не боятся ни неудачъ, ни промаховъ, ни слабостей, ни минутнаго малодушія: не падать никто не воленъ, но пусть всегда встають, не отрекаясь отъ своихъ ошибокъ, но не отрекаясь отъ истины. Кто бы изъ нихъ какъ бы низко не палъ, прощаю и благословляю, если встанетъ или, хоть и не встанетъ, но вставая умереть. И пусть помнѣть, что весь я везде съ ними и радуюсь за нихъ и благодарю ихъ, где они по мере силъ одному со мною служатъ, мое дело продолжаютъ и моему завещанію верны.

Аминь.

Б. Никольскій

Б. В. Никольскій

Если о Георгии (Юрии) Васильевиче Чичерине, занимавшем в год расстрела друга высокий пост наркома по иностранным делам, известно немало, то об Александре Феликсовиче Мейендорфе (1869–1964) следует сказать несколько слов.

Внук героя Крымской войны князя Михаила Дмитриевича Горчакова (1793–1861) и двоюродный брат Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911), известный юрист, политик, землевладелец и коллекционер, он уехал после революции в Ригу, а оттуда — в Лондон, где стал преподавателем школ экономики и славяноведения. В 1934–39 гг. Мейендорф жил в выборгском Монрепо, но с началом Зимней войны вернулся в Англию, где работал в Британском музее, последние годы провёл в доме престарелых в Пейнтоне и был похоронен на кладбище этого городка. Замок в Барвихе, которым ранее владели Мейендорфы, является ныне резиденцией президента нашей страны.

Существует мнение, что истинной причиной казни Бориса Никольского по нелепому обвинению в шпионаже явилась собранная им библиотека, включавшая множество редчайших старинных книг, в том числе самое полное в мире собрание сочинений Катулла (ок. 87 — ок. 54 г. до Р. Х.).

Зинаида Гиппиус написала в дневнике по данному поводу следующее:

...Недавно расстреляли профессора Б. Никольского. Имущество его и великолепную библиотеку конфисковали... Остались дочь 18 лет и сын 17-ти. На днях сына потребовали во «Всевобуч» (всеобщее военное обучение). Он явился. Там ему сразу комиссар с хохотком объявил

(шутники эти комиссары!): «А вы знаете, где тело вашего папашки? Мы его зверькам скормили»...

Объявление так подействовало на мальчика, что он четвертый день лежит в бреду...

...Трупы расстрелянных, как известно, Чрезвычайка отдает зверям зоологического сада... Расстреливают же китайцы... Но при убивании, как и при отправке трупов зверям, китайцы мародерничают. Не все трупы отдают, а какой помоложе — утаивают и продают под видом телятины... Доктор Н. (имя знаю) купил «с косточкой», — узнал человечью. Понес в Ч.К. Ему там очень внушительно посоветовали не протестовать, чтобы самому не попасть...

У Бориса Никольского и Екатерины Шубинской было пятеро детей, один из которых, Сергей, умер в младенчестве. Сведений о младшей дочери, Анастасии, не сохранилось. Старший сын, Владимир, родившийся 7 августа 1896 года, прапорщик Семёновского полка и участник контрреволюционного движения, сумел уехать из России в Сербию и умер в 1967 году в США, а младший, Роман, о котором и написала Гиппиус, после казни отца отказался от родства с ним, работал в ОГПУ и был в сентябре 1938 года расстрелян, хотя в списках жертв политических репрессий я не смог его найти, возможно, потому, что он сменил фамилию. Старшая же дочь, Анна (1899–1977), писатель, поэт и переводчик, прожила удивительную, полную несчастных событий жизнь и оставила выдающийся след в литературе.

Б. В. Никольский с семьей

В копиях её трудовой книжки и личного дела написано, что она родилась 1 декабря 1899 года, окончила с золотой медалью Александровский институт, продолжила учебу в Харьковском университете, но, не имея сведений о своей родине, в ноябре 1918-го была вынуждена вернуться в Петроград, где 21 октября 1924 года получила диплом об окончании этнологического-лингвистического ответвления Ленинградского университета.

Трудовую деятельность Анна Никольская начала в год расстрела отца — в 1919-м, когда была принята на работу переводчицей Военно-научного отдела при Реввоенсовете, после чего, зарабатывая трудовой стаж для перехода из категории поражённых в правах «лишенцев», работала делопроизводителем на строительстве Волховской гидроэлектростанции, а затем преподавателем русского языка и литературы на рабочих курсах Волховстроя.

Затем Анна Борисовна училась в аспирантуре Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока им. А.Н. Веселовского, просуществовавшего с 1919 по 1930 год, представила к печати рукопись под названием «Очерки по истории стиля древнерусской литературы», стала автором статей «О стиле «Слова о полку Игореве», «К вопросу о пейзаже в древнерусской литературе» и «Слово Илариона Киевского в позднейшей литературной традиции», преподавала во 2-м рабочем университете городского совета профсоюзов, откуда была уволена по инвалидности и болезням.

В личном листке по учёту кадров Библиотеки Академии наук Никольская записала, что в 1927 году работала нештатным научным сотрудником Всеукраинской Академии наук в Киеве, в 1929–1931 гг. —

преподавателем общеобразовательных школ Ленсовета, ассистентом кафедры древнерусской литературы Института истории искусств, преподавателем курсов Облпрофсовета и вечерней Совпартшколы Петроградского района. А в заявлении от 13 мая 1932 года о приёме на работу в БАН в графе о составе семьи Анна Борисовна записала лишь нетрудоспособную мать 57 лет, с которой она проживала в квартире 24 дома 20 по улице Восстания. В графе «знание языков» ею были указаны английский, итальянский, греческий, латынь, французский, немецкий и славянские языки, а в графе о научных работах — восемь статей по истории литературы и лингвистике.

В начале 1933 года Никольская получила повышение в должности до старшего библиотекаря рукописного отдела. Это была ответственная работа в помещении, куда без предварительного согласования не мог войти никто. Однако 3 августа 1933 года ей был объявлен строгий выговор с предупреждением, а 29 января 1934-го Анну Никольскую уволили, на чём записи в трудовой книжке заканчиваются.

В СПбФ АРАН имеется письмо, написанное Ольге Орбели не известной мне женщиной, подписавшейся инициалами Ал. П:

Новоспасская 5
Лесной
30/ III

Дорогая Ольга Владимировна,

Узнала я случайно о новой заботе Вашей племянницы Анны Борисовны и слышала от верного и осведомленного лица, что в таких случаях помогает А. Ф. Кони. Он, говорят, знает людей, от которых такие дела зависят. Пусть бы она

сначала обратилась к нему (изложив дело) письменно, а затем он вероятно, попросит ее придти к нему и назначит день и час. Думают, что не напрасно будет его ходатайство...

Не трудитесь мне отвечать: мы обе заняты, особенно Вы, и понимаем друг друга.

Сердечные приветы.

Ал. П.

Однако юрист Анатолий Фёдорович Кони скончался в 1927 году и, следовательно, речь в данном письме шла о проблемах, возникших в жизни Анны Никольской ещё до этого времени.

Анна Борисовна была ученицей Владимира Николаевича Перетца (1870–1935), и её арест связывают с так называемым «делом славистов». По собственной же версии Никольской, она была арестована по доносу директора Библиотеки Академии наук Иннокентия Ивановича Яковкина (1881–1949), которого уличила в санкционированном свыше расхищении ценных книг из неучтённых фондов.

События тех лет были описаны ею в посмертно опубликованном в №9 русскоязычного казахского журнала «Простор» за 1987 год рассказе «Иннокентий Васильевич», написанном от лица сотрудника библиотеки, краткие выдержки из которого я цитирую ниже:

— Вы знаете... Я ведь тайный старообрядец...

Это прозвучало у него так, точно он сообщил мне — «я тайный белогвардеец» или «член монархической организации».

— И «аллилуйю» пою, и «двуперстием» себя осеняю... Но... есть вещи... особенно в наше трудное, сложное вре-

мя, когда наше «я» подвергается большим испытаниям... виновны... те, кто мог бы отвести незаслуженную кару, но... не отвел: кто мог бы не содействовать злодеянию, но содействовал... Вот кому следовало бы бить челом о каменные плиты! ...Иннокентий Васильевич тогда последовательно возглавлял два крупных учреждения гуманитарного направления. И в этих учреждениях стали исчезать люди — опытные старые работники, стоявшие как будто вне подозрений. В дальнейшем эти люди отправлялись в продолжительные путешествия, или просто их следы терялись. Иннокентий Васильевич ахал, мрачнел, ходил куда-то «хлопотать», возвращался и, бессильно опускаясь в кресло, упавшим голосом говорил:

— Бесполезно. Ничего не понимаю...

Самым замечательным было то, что когда он перешел во второе учреждение, в первом исчезновения прекратились, а во втором начались...

...Как только он получал назначение в новом учреждении, там или одновременно с ним, или вскоре после его назначения получали места никому не известные лица, не специалисты, получавшие административные должности...

...Исчезали работники. Пропал старик, служивший там около пятидесяти лет, большой специалист и знаток дела, занимавший очень скромную должность... Пропала какая-то незначительная на должности женщина — вдова, жившая с двумя детьми...

На второй год после своего директорства Иннокентий Васильевич принял на работу... молодую женщину...

...Ей были доверены особо ценные книжные фонды учреждения... Жила она одна с больной матерью...

Однажды, придя утром на разборку фонда, она увидела, что с двух шкафов сорваны печати и целого ряда книг в них не хватает. Она бросилась к коменданту, к дежурным,

остававшимся на ночь, — никто ничего не знал. Когда пришел Иннокентий Васильевич, она ринулась к нему.

Он даже не дослушал ее до конца:

— А что вы так волнуетесь? — поморщился он. — Книги не пропали... В этом ничего страшного нет...

— То есть как это «ничего страшного нет»? Подтвердите письменно, что это сделано с вашего ведома.

— На этом настаивать не надо, Елена Владимировна... Через четыре дня девушка не пришла на работу...

Она жила в том же доме, где жил Иннокентий Васильевич...

Почти через год исчезнувшая девушка появилась на несколько дней, чтобы собрать вещи и двинуться в далекий путь. На работе она, конечно, и не появилась. А дома... они столкнулись в воротах, лицом к лицу...

— ...Вы, слава богу, совсем... домой?

— ...нет, я уезжаю.

— Куда?

Она назвала место своего назначения. Иннокентий Васильевич оживился.

— У меня там есть знакомства, они могут вам пригодиться...

— Благодарю вас, как-нибудь устроюсь...

За короткий путь сборов в путь девушка узнала от матери, что во время её отсутствия Иннокентий Васильевич несколько раз заходил к ним на квартиру, расспрашивал, разводил руками и неизменно повторял одну и ту же фразу:

— Я не могу понять... За что такая строгая изоляция? Это при ее-то слабом здоровье! Одиночка... Без передач... В чем же дело?...

Дочь уехала, а мать, побывав в психиатрической больнице и возвратившись из нее, покончила с собой...

Хлопоты взяли на себя племянница покойной по мужу и друг родителей девушки...

...в 1946 г. я окончательно вернулся к себе домой, узнал, что Иннокентий Васильевич скончался...

— Он умер от рака языка...

Его постоянно двоившийся образ и в моей душе рождает двойственное чувство: мне омерзительны его преступления и страшен его приниженный, вороватый вид с букетом цветов у гроба погубленной им жертвы; в то же время он жалок мне, как жертва своего страха и бредовых видений, мучивших его. Пилат, умывающий руки, которых отмыть не может...

В этом же рассказе описано, как человек, от лица которого Никольская вела повествование, случайно зашёл в старообрядческую церковь и застал там истово молящегося Иннокентия Васильевича. А в 2018 году Валерий Павлович Леонов, впоследствии опубликовавший прекрасную книгу об Анне Борисовне под названием «Библиотека и судьба: А.Б. Никольская», в личной беседе рассказал мне, что Яковкин, после того как излишне закладывал за галстук, действительно ходил отмаливать свои поступки, о последствиях которых он, как юрист, не догадываться не мог.

Добавлю, что Анна Никольская поступила на работу в БАН по рекомендации академика Марра в том же 1932 году, когда оттуда был уволен Рубен Орбели, и возможно, что между этими событиями есть какая-то связь.

Согласно постановлению Особого совещания (ОСО) Коллегии ОГПУ от 2 апреля 1934 года Анну Владимировну выслали в Алма-Ату, где она стала преподавать в Педагогическом институте, но в 1937 году арестовали вновь, 10 декабря по решению ОСО,

то есть печально известной «тройки», без суда приговорили к десятилетнему сроку и отправили в лагерь на север Свердловской области. Арестовывал её капитан НКВД по фамилии Пушкин.

До марта 1943 года она находилась на лесоповале, где начала делать заготовки художественных произведений, потом была снова выслана в Казахстан и, снимая угол в землянке, уже вплотную занялась литературным творчеством и переводами. Работала она на полу или за большим столом, под которым и спала.

Анна Никольская в 1948 г.

Анна Никольская перевела множество казахских литературных произведений, в том числе «Повстанческие песни казахов XIX века», изданные отдельной книгой, но самым знаменитым переводом, сделанным ею с казахского, стал роман Мухтара Ауэзова (1897–1961) о поэте, композиторе и просветителе

Абае Кунанбаеве (1845–1904). Однако писатель Леонид Соболев (1898–1971), тот самый, который писал о моряках и водолазах, совершил гадкий поступок, смахнув как «лагерную пыль» фамилию врага народа и поставив вместо неё свою. Книга эта была переведена на два десятка языков и выдержала около двадцати изданий, но хотя в шестидесятых годах авторство Никольской было доказано, никаких гонораров за свой труд, в отличие от Соболева, спустя несколько лет покончившего с собой, она не получила.

Я осознаю, что мужчину нельзя называть сукой, тем более, моряка, и уж тем более, мёртвого, но всё-таки рискну.

Несмотря на то, что Анну Никольскую приняли в 1948 году в Союз писателей, она оставалась «человеком второго сорта» вплоть до 1956 года, когда после XX съезда КПСС стало возможным говорить о преступлениях сталинского режима, хотя приговор её был пересмотрен двумя годами ранее, причём оформлял документы тот же человек по фамилии Пушкин, ставший к тому времени полковником.

Б. И. Ильин-Какуев

Приблизительно в те годы Анна Борисовна познакомилась с замечательным учёным, биохимиком Борисом Ивановичем Ильиным-Какуевым (1886–1972), в свободное от работы время писавшем прекрасные акварели, и стала его женой. Первая книга Анны Никольской была издана в Казахстане лишь в 1963 году, когда ей было глубоко за шестьдесят.

Многие рассказы и повести, написанные Анной Борисовной, автобиографичны. Так, в рассказе «В Пиренеях прошел дождь» она вскользь упоминает о родившемся в 1870 году отце, не называя его имени, в рассказе «Над вечным покоем» — о посещении могилы деда на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, где героиня не была 40 лет, в повести «Ведьма» вспоминает об истории и впечатлениях, полученных на Волхове, в рассказе «Человек густого цвета» и повести «Передай дальше!» — о работах на лесозаготовках в таёжной зоне, где она работала учётицей в конторе и по заданию лагерного руководства организовала драмкружок и ставила с другими заключёнными спектакли, таким образом ненадолго вырывая их из жестоких условий лесоповала. Интересно, что многие из заключённых были представлены Анной Борисовной под собственными именами, благодаря чему не дождавшиеся их родственники и потомки смогли узнать о том, как они провели остаток своей жизни.

В своих произведениях Анна Борисовна не описывала тех ужасов, с которыми непосредственно столкнулась в лагере, ссылке и на предварительных допросах, когда ей разбили затылок о каменный пол, из-за чего она всю оставшуюся жизнь мучилась

от постоянных головных болей. Например, в повести «Геленджик» она написала так:

В свободное от других, обязательных занятий время, я занялась литературными записями, как я тогда думала — «для себя». Я записывала в виде небольших рассказов различные эпизоды из своей жизни — встречи с людьми, интересные чем-либо факты, мои наблюдения и выводы...

Сохранилось машинописное письмо, которое Анна Борисовна написала семье Орбели 14 марта 1964 г.:

Милые мои, пытаюсь писать Вам одной левой рукой, начала уже приспособляться, потому что с правой все еще продолжаю мучиться. Лечение, вероятно, принесло бы результаты гораздо раньше, но я болела гриппом, лежала дома, потом меня замучили весенние приступы астмы — и я запустила лечение, т.е. свела на нет все, что было уже получено. Теперь я возобновила ежедневные процедуры — и опять чувствую себя лучше... Перед самой болезнью я подписала договор с издательством на небольшой/2 печ. листа/перевод — и до сих пор не могу сдать его — опять же из-за руки. Теперь, немного приспособившись к работе одной левой, я постараюсь отделаться поскорей от этого перевода, который оказался маленьким, но ядовитым, а русские товарищи, которым я доверяю, уверили меня, что кроме удовольствия, я от этой работы ничего не получу. Работа трудна не трудностями самой передачи оригинала в русской речи, а недодуманностью, противоречиями и недоработками оригинала. Спотыкаешься на каждом шагу и пытаешься «сопрягать далековатые понятия», а это очень трудно... А тут еще издательство привязалось, заявив, что

меня включают в авторский план будущего года на «второй сборник» и — совсем сумасшедшие! — требуют с меня заглавие, приблизительный листаж и аннотацию о содержании. Я попросила оставить меня в покое, потому что литературная работа — это не вязание чулок с дневной нормой выполнения... Редакторша моего первого сборника, милая, умненькая женщина... заразилась установками издательства и тоже начала осаждать меня. Сегодня в издательстве ответила ей/надо сказать, что она очень хорошенькая, а ее пышные темные волосы к ее отчаянию начали сесть; так она неожиданно для всех, в том числе и для своего мужа, выкрасила их в апельсиновый цвет, ужас! — так вот я сказала, что назову мой сборничек по первому, еще не написанному, но вполне реальному для выполнения рассказу, который напишу о ней и назову «Убитые волосы» или «Гибель брюнетки»... Она ответила мне, что тогда мне придется думать о новом редакторе...

Дядя Боря теперь возобновил свои консультации, но... он приходит с них такой измученный и усталый, что мне за него страшно. Большой проблемой является также лето. Мою заявку на «Переделкино» приняли, но у дяди Бори образовался какой-то отрицательный рефлекс против этого места после того, что он так там болел... Дачи под Москвой теперь нет, брат, живущий в Люберцах/младший, Илья/, тяжело болел.../был тяжелый инфаркт, 73 года/, и поселиться в его полугородской квартире — значит, обречь его на всякие хозяйственные хлопоты... А ни хозяину, ни гостю/в его 78 лет/эти хлопоты уже не по силам. Оставить его в Алма-Ате, как он предлагает, я не могу, тем более, что наша родственница, которая живет с нами, летом уедет к сестрам на Кавказ... Что же, разве я брошу его одного? Я написала Вере Ивановне, которая ежегодно ездит на пароходе по Волге. Борис Иванович

как-то сказал мне, что с удовольствием проездил бы с ней хороший конец по реке. Я очень поддерживаю эту мысль, потому что с ней на пароходке он будет вдали от всех соблазнов Москвы — букинистических магазинов, беганья до потери сознания и сил по музеям и выставкам и еще каких-нибудь удовольствий, несоразмерных с его силами. Я написала ей обо всем подробно, и сделала приписку Тане: просила ее, если прогулка с тетей Верой по каким-либо причинам окажется невозможной, похлопотать хоть разок об отце — подумать о каком-нибудь хорошем санатории под Москвой — без затейников и без мероприятий для больных. А я со своей стороны здесь буду оформлять все, что только потребуется. Все горе в том, что дядя Боря, и вообще не отличавшийся в жизни инициативой и энергией, сейчас стал совсем инертным — и думать не хочет, чтобы похлопотать о себе. Говорит: — «Само как-нибудь устроится», но, к сожалению, так не бывает, и все опять падает на меня. До сих пор я не могла писать никаким способом, так что смогла отправить письмо Вере Ив. лишь вчера, потому что очень боюсь упустить время, ведь всякие периферийные заявки принимаются ранней весной, и я чуть не плакала, что время уходит. Теперь я жду понедельника, когда у нас абонирован пятиминутный разговор с Москвой по телефону. Посмотрю, что они там мне ответят. Это тоже меня очень волнует. Сил-то и у меня очень мало.

...Если у вас что-нибудь прояснится, сообщите мне, на какие месяцы Вы предполагаете уехать. Я все же не теряю надежды повидать Вас летом, но для этого я должна согласовать время: и моих путевок, и Вашего отсутствия в городе. Если я и приеду в Ленинград, то совсем на короткое время, поэтому было бы обидно, если бы у нас хоть день пропал даром.

У нас весна в полном разгаре здешнего своего начала: в городе еще горы снега, но везде продаются цветы, а температура воздуха доходит до 18-ти градусов тепла. Многие ходят в летнем, но я не рискую, особенно при моей больной руке. В этом году февраль и первые дни марта были такими снежными, как я еще здесь не видела ведь я живу здесь, с перерывом, правда, уже 30 лет...

Целую Вас крепко, не теряю надежды увидиться с Вами. Пишите мне о своих делах, о здоровье. От Олечки уже не надеюсь получать письма.

Будьте здоровы, мои дорогие!

Ваша тетя Ася

Добавлю, что Анна Никольская смогла регулярно общаться с семьёй Орбели лишь после войны, а в последний раз приехала к ним в Ленинград 1965 году.

В послесловии к книге «Передай дальше!» друг и коллега Анны Борисовны филолог Александр Лазаревич Жовтис (1923–1999) приводит её стихотворение, датированное 20 сентября 1942 года, когда из лагерей стали массово освобождать потерявших трудоспособность людей, которые, утратив здоровье и волю, как правило, попросту не доезжали до мест ссылки и замерзали или умирали от голода на полустанках воюющей страны:

*Ты слышишь дальний перезвон,
Такой глухой, такой печальный?
Как будто нас встречает он
Таежной песней погребальной.
Стон рельс разбитых мирно-тих*

И веет страшною химерой...
Заборы, вышки часовых...
Бараков ряд угрюмо-серый...
Внушая ужас, боль и страх,
Ползут как призраки живые,
Без рук, без ног, на костылях
Осколки грязные людские.
Здесь не звучит людская речь,
Ни плач, ни тихие упреки:
Здесь гнойным ядом могут течь
Лишь смрадной ругани потоки.
Обломков груды... Смрад густой...
В толпе голодной, злобной, громкой
Обломки жизни — боже мой! —
Страны печальные обломки.
В той черной яме страшен смех,
В ней детский голос — дар случайный.
Любовь? Любовь в ней — грязный грех,
Лишенный снов, стыда и тайны.
В ней даже смерть — не сладкий сон,
А тяжкий подвиг для живого —
Под вечный погребальный звон
Обломка рельсы часового.
Но, Муза, если в чадной мгле
Средь шума, ругани и смрада
В жестокой злобе на земле
Людьми придуманного ада,
Где, как трава от липкой тли,
Хиреет мысль и гаснут лица,
Мы, позабытые, могли
Тебе, прекрасная, молиться.
И в неизменно-чистых снах,
Пространств и дней стирая грани,

*Мы забывали стыд и страх
Нас унижающих страданий,
Ломали цепи и ключи,
Крылаты мыслью, в песнях жили
И солнца яркие лучи
На дно клоаки низводили, —
Кто нам прикажет: «Не живи!»
Кто умертвит в гниющей пене
Слова чудесные любви,
Немых молитв и песнопений?!
Узнай: бессилен смерти гнет,
А жизнь и в гробе торжествует!
Мы славословим: день блеснет!
Мы славословим: ночь минует!*

А. Б. Никольская в президиуме

Умерла писательница 21 ноября 1977 года. Получив сообщение о болезни Никольской, Русудана Рубеновна Орбели поспешила в Алма-Ату, но опоздала. Из наследия Анны Борисовны ей досталось лишь несколько словарей и книг. Судя по сведениям, изложенным А.П. Мандрыка в одной из рукописей, хранящихся в СПбФ АРАН, «остальное же, включая фарфор и хрусталь было расхищено. Постаралась шофер Анны Борисовны Тоня, которой тетя Ася очень доверяла».

Вскоре Сормовская улица Алма-Аты была переименована в улицу Анны Никольской.

РУСУДАНА

Родившуюся в 1910 году дочь Ольга и Рубен Орбели воспитали в соответствии с христианскими верованиями, о чём свидетельствует написанное ею на отдельном листочке бумаги стихотворение:

РАЙ

*Среди волшебных звуков Рая
Я слышу тихий голос Твой,
И вся толпа, Тебе внимая,
Идет к Тебе, о Пастырь мой.
Мне лучше арфы и органа
Твой дивный голос, о Христос,
С Тобою рядом Иоанна
Я вижу в венчике из роз.
Здесь мир, покой, любовь и радость,
Здесь всякий видит лишь любовь,
Тут нет и старости, лишь младость,
И здесь уж не прольется кровь.*

Стихотв. Руси Орбели

Детство Русудана проводила не только во Взметнево, но и у дедушки с бабушкой, причём, по словам Ольги Алексеевны Мандрыка, когда она однажды заинтересовалась переходом из православного в григорианское вероисповедание, Рубен Абгарович специально приехал в Тифлис для того, чтобы воспрепятствовать этому.

После окончания школы Русудана занималась на курсах искусствоведения при Институте истории искусств, том самом, где работала её тётя, Анна Никольская, и стала сочинять детские стихи,

изданные в 1926–27 годах, которые и ныне можно прочесть, например, в Российской национальной библиотеке.

Абгар Иосифович Орбели с Русуданой

В 1934 году она окончила историко-лингвистический факультет университета и поступила работать в ленинградский Институт востоковедения,

сосредоточившись на вопросах кавказской филологии, связанных с древними рукописями. С началом войны и блокады Русудана переквалифицировалась в медсестру, но была вынуждена покинуть город из-за предсмертного состояния отца.

27 августа 1942 года за подписью заместителя директора ФИН по научной работе А.В. Тонких была выдана не только справка для эвакуации Рубена Орбели, но и аналогичные справки на членов его семьи для предоставления по месту работы: — для Ольги Владимировны в лекторий Горкома ВКП(б) и для Русуданы Рубеновны — на хирургическое отделение клинического госпиталя больницы Эрисмана.

Находясь в Москве, она написала отцу несколько писем, два из которых я процитирую:

3 XII 42

Дорогой Папочка,

Пользуюсь тем, что корврач Шевкуненко любезно согласился передать в Архангельском эту записочку для тебя.

29го приехал дядя Леон. Приехал он поздно вечером. Завтра решится, когда он уезжает, возможно, что он останется до 15го. Приезд его был для него внезапен, его вызвали срочно в связи с назначением его начальником Военно-Медицинской Академии. Все эти дни он очень занят, и поэтому не мог до сих пор к тебе приехать. Если он не уедет завтра, то, конечно, на этих же днях к тебе приедет. И эти дни он очень хотел приехать к тебе, но не удалось. Не могу тебе передать, как он был поражен, когда узнал, что я здесь работаю! Он позвонил сюда, а я подошла к телефону. Эффект был необычайный!

Как ты себя чувствуешь, мы без тебя соскучились. Если д. Л. сейчас к тебе не попадет, то я во всяком случае на днях доберусь к тебе сама (извини за кляксу, это от спешки!). Мы с мамой здоровы. Целуем тебя крепко. Получил ли ты пачку табаку? Я привезу тебе еще...

Очень соскучилась без тебя, дорогой, надо скорее по-видаться.

Своей работой я очень довольна.

Целую.

Р.

9 III 43

Дорогой мой, милый папочка!

Посылаю тебе папиросы. Два яблочка привез дядя Леон. Я думаю, они доставят тебе удовольствие. Как ты себя чувствуешь? Напиши мне два слова. Знаю, что тебя смотрел М. С. Вовси, я его видела часа за два до отъезда в Архангельское, и он сказал мне, что непременно тебя посмотрит. После этого дядя Леон сказал, что Мирон Семенович нашел, что тебе надо еще побыть недели три. Поправляйся дорогой, милый!

Целую крепко.

Твоя Р.

Относительно курения должен пояснить, что лечащий врач Рубена Абгаровича, Пётр Васильевич Мандрыка, понимая обречённость пациента, разрешил ему курить в палате и не поменял своего разрешения даже после того, как однажды тот заснул и прожёл тлеющей папиросой матрац.

2 декабря 1946 года на бланке Академии наук за подписью Л.А. Орбели была составлена справка для предоставления в ГВРУ:

Удостоверяю, что после кончины моего брата профессора Рубена Абгаровича Орбели его имущество и литературное наследство в виде рукописей, заметок и научных материалов было принято его вдовой Ольгой Владимировной Орбели и дочерью Русуданой Рубеновной Орбели, которыми ограничивается круг его семьи.

А на следующий день на имя начальника ГВРУ Дмитриева поступило следующее заявление из Института востоковедения:

Настоящим заявляю, что я отказываюсь от права наследства после умершего отца Орбели Рубена Абгаровича в пользу матери Орбели Ольги Владимировны, и что других членов семьи, кроме отца и матери, не было.

3 декабря 1946 г.
Русудана Орбели

По-видимому, сосредоточение в одних руках творческого наследия Р.А. Орбели было связано с бюрократическими тонкостями при подготовке книги «Исследования и изыскания». При этом за пределами формальных документов остался факт, о котором упомянул в своих воспоминаниях Алексей Петрович Мандрька — Русудана после кончины отца вернулась в блокадный Ленинград для того, чтобы вывезти в Москву его рукописи!

Алексей Петрович был старшим сыном Петра Васильевича Мандрька и Нины Георгиевны Ванюшиной, о которых следует рассказать особо.

Нина, её старшая сестра Татьяна и брат-погодок Александр родились в семье владельца Жигулевских известковых заводов уроженца Уральска Георгия

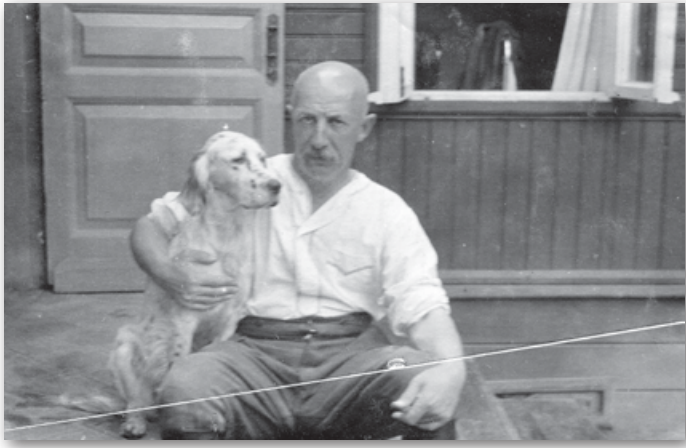
Сергеевича Ванюшина (1863–1928) и его жены Анны Александровны, происходившей также из купеческого сословия этого города. До 1899 года Г.С. Ванюшин занимался хлебной, мануфактурной и винной торговлей, а в 1900-м купил Жигулевское имение с каменоломнями в селе Ширяево, где выстроил пять небольших заводов: три известковых, алебастровый и механический для обработки камня. Благодаря его помощи в селе появились больница и школа. Интересно, что, по свидетельству А.П. Мандрыка, вторым браком Георгий Ванюшин был женат на Валентине Александровне Протазановой, сестре знаменитого кинорежиссёра.

В 1914 году их семья перебралась в Москву в дом №6 по Кривоникольскому переулку в районе Нового Арбата. Нина и Татьяна окончили курсы сестер милосердия и в 1914–1917 годах работали в главном военном госпитале, где Нина Георгиевна и познакомилась со своим будущим мужем Петром Васильевичем Мандрыка, штабс-капитаном медицинской службы, служившем в военно-санитарном поезде №86 младшим ординатором.

Пётр Мандрыка родился 10 июля 1884 года в Самаре в семье мещан. Его отец Василий Алексеевич Мандрыка (1840–1925) работал в молодости бухгалтером на сахарном заводе в Лебедянском уезде Харьковской губернии, затем жил в Ахтырке, Харькове, Самаре и Бугульме, воспитал с женою, Марей Яковлевной, дочь и семерых сыновей, дав им хорошее образование.

После ахтырской гимназии Пётр поступил в 1904 году на медицинский факультет Харьковского университета, который окончил шесть лет спустя,

четыре года работал земским врачом в Валуйском районе Воронежской губернии и, с началом I Мировой войны, был мобилизован, в 1918 году вступил в Красную армию, стал начальником госпиталя Всероссийского земского союза, а в 1923 году — главным хирургом и начальником Московского военного госпиталя № 5, позднее ставшего Центральным в Министерстве обороны.

П. В. Мандрыка

12 мая 1917 года Пётр Мандрыка и Нина Ванюшина поженились, а в марте следующего Жигулевские известковые заводы её отца были национализированы, после чего Георгий Сергеевич окончательно перебрался в Москву, где, начиная с 1923 года, работал в Высшем совете народного хозяйства. Лето семья проводила в военной санатории в Болшево, где с ними жили родители и старший брат Нины Георгиевны — горный инженер Александр Георгиевич Ванюшин, который в начале 1930-х годов был

репрессирован и освобождён после обращения Петра Васильевича к М.И. Калинину.

Пётр Васильевич лечил многих государственных деятелей и военачальников, включая М.В. Фрунзе, причём был против хирургической операции, закончившейся заражением крови и смертью полководца, общался по телефону со Сталиным и однажды даже лично консультировал его, заболевшего ангиной.

Он был не только страстным охотником, лошадиником и собаководом, но и автомобилистом, причём машину, четырёхцилиндровый «Форд», приобрёл с помощью того же Калинина, но после начала войны работал практически круглосуточно. Неудивительно, что сердце его не выдержало огромной нагрузки. Пётр Васильевич умер от инфаркта и был похоронен 11 апреля 1943 года.

Среди архивных документов, предоставленных Ларисой Георгиевной Кондратьевой и, свою очередь, переданных мною в СПбФ АРАН, оказался дневник матери Алексея и Андрея Мандрыка под названием «Алеша и Андрей», который она вела с 1918 по 1923 год. Начинается он с записи, сделанной в Москве 2 мая 1918 года:

Когда родился Алеша, я хотела писать, начиная съ 9го апреля (дня его рожденія) о всех маленькихъ событіяхъ его жизни, но первыя волненія материнства, непривычность обстановки какъ то все мешали... записывать все новое, охватившее мою душу. Теперь черезъ 4 дня Алеше будетъ 4 недели; для меня онъ становится съ каждымъ днемъ все более и более осмысленнымъ и понимающимъ... существомъ, и я такъ сильно и болезненно привязываюсь къ нему...

Супруги Мандрыка с сыновьями

Дневник она вела регулярно, порой по несколько раз в месяц, иногда делая более длительные пере­рывы в записях, вклеивала в него фотографии сына и родных, а также фармацевтические рецепты, дет­ские продовольственные карточки, врачебные ре­комендации, ноты детских песенок и пр. Одна из за­писей, сделанная в «рождество 25 дек. 1918 г.» имеет следующий фрагмент:

...Интересно будет вспоминать через неск. лет, что дарили Алешеньке... на своей первой елке: въ такой голодь это все великие дары: бабушка 2 ф. греч. крупы (цена которой дошла до 20 р. ф.) и 1 бут. молока (10 р.). Цены пишу, чтобы въ будущемъ, когда Алешенька вырастеть и заинтересуется своимъ детствомъ, могъ узнать, въ какую грустную и трудную эпоху ему пришлось расти. Дядя Саша получилъ ящичекъ съ неск. кусоч. сахара (каждый 2 р.), несколько карамелекъ и шоколадокъ... о которыхъ онъ, бедный, въ настоящее время и не смель мечтать.

А через год с небольшим Нина Георгиевна сделала запись о рождении 7 января второго сына, Андрея. Отмечу, что на одной из страниц дневника, относящейся к 1921 году, была вставлена фотография Ольги Никольской в подростковом возрасте, сделанная в мастерской Ф. Фельбингера. По всей вероятности, вклеили её в дневник более четверти века спустя...

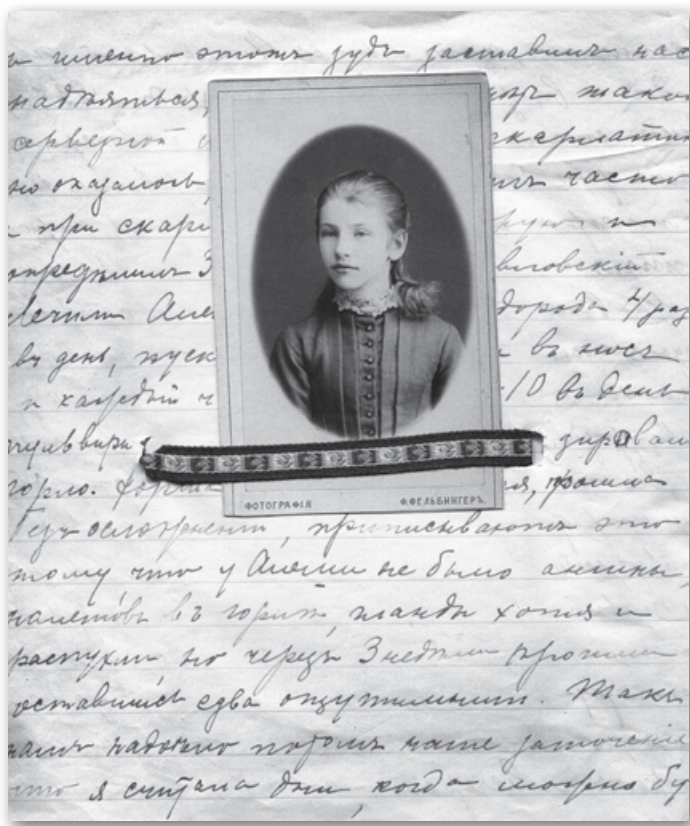

Фото Ольги Никольской
в дневнике Нины Ванюшиной

После смерти отца Русудана вместе с матерью осталась в Москве, где, по моим первоначальным предположениям, и произошло её знакомство с будущим мужем. Однако на самом деле познакомились они гораздо позднее, в одесской офтальмологической клинике Владимира Петровича Филатова (1875–1956), куда Русудану, работавшую секретарем при начальнике Главного военно-санитарного управления, отправили на лечение.

Русудана Орбели и Алексей Мандрыка

О Филатове, посвятившем Рубену Орбели поэму, опубликованную в книге «Исследования и изыскания», в Одессе ходили легенды, одну из которых, основанную на реальных событиях, привёл Алексей Петрович Мандрыка в рукописи под названием «Дорога к светлой темноте», когда зимним вечером офтальмолога остановили грабители, вознамерившиеся снять с него дорогую шубу, но узнав профессора, настолько обеспокоились его здоровьем, что сделали это лишь проводив до отапливаемой парадной его дома.

В той же рукописи автор отметил, что именно Русудана, ещё будучи в Одессе, отвела его к друзьям, у которых было пианино, и он впервые попытался играть несложные музыкальные произведения, которые разучивал в детстве.

Вернувшись в Москву, Алексей Петрович продолжил играть на фортепиано и начал осваивать слепой метод машинописи, стал часто посещать Русудану и её мать на Чкаловской улице, где они жили, готовя к печати посмертный сборник статей отца и мужа, пока в начале декабря 1945 года не уехали домой. В рукописи есть абзац, не требующий комментариев:

...Постепенно, все ближе и ближе знакомясь с Русуданой, я окреп в своем миропонимании, становясь решительней, самостоятельней. Вопреки тому, что отсутствие зрения во многом сократило мои возможности, я чувствовал себя все более твердо стоящим на ногах. Я уверовал в себя, в таившиеся во мне силы. Именно Русудана раскрыла их и озарила существование в «светлой темноте». Следуя озаренному ею пути, я и достиг фактических результатов на жизненном поприще и соответствующего признания.

Трагедия произошла 21 февраля 1945 г. во время испытания боеприпасов к крупнокалиберному авиационному пулемету, когда при взрыве Алексей Мандрыка получил осколочные раны лица и грудной клетки. Ему, потерявшему сознание и не чувствовавшему боли от шока, удалили остатки левого глаза и спустя два дня поместили в госпиталь, которым ранее заведовал отец. Из правого глаза вытащили осколок, но появившееся было светоощущение быстро угасло.

Марк Петрович Гальперин в ранее цитированной книге «Киты меняют кожу» пишет:

Эта замечательная пара, Русудана Рубеновна и Алексей Петрович Мандрыка, казалось бы, человек потерянной судьбы, прожили вместе долгую жизнь.

Алексей Петрович, как часто это бывает с людьми, ставшими инвалидами, ещё до женитьбы на Русудане Рубеновне начал пить. Что оставалось делать человеку, который совсем в юном возрасте вдруг вышел из строя и оказался никому ненужным...

У Русуданы Рубеновны и Алексея Петровича родилась дочь Ольга. Я хорошо помню, как весело отмечался Ольгин день — 24 июля. В этот день оба брата Орбели — два академика, приезжали со своими семьями. Устраивался настоящий праздник, всё происходило очень торжественно и, в то же время, чрезвычайно трогательно...

В газете «Вечерний Ленинград» от 12 февраля 1962 года была напечатана познавательная статья И. Малева и И. Подгорного «Подвиг Алексея Мандрыки», ставшего к тому времени доктором наук, крупным специалистом в истории техники и автором нескольких великолепных монографий. Статья эта начинается со встречи с ним и его дочерью Ольгой в кинотеатре, где Алексей Петрович создавал впечатление о фильме по голосам актёров. Однако настоящей находкой для исследователей жизнедеятельности этого талантливого и мужественного человека будет ознакомление с делами СПбФ АРАН из фонда Рубена Орбели, находящимися в папке № 16 под №№ 522–527, содержащей неоконченные и не опубликованные работы — «Дорога к светлой

темноте» на 21 странице машинописи, написанная в июле 1986 года, «Дивврач Петр Васильевич Мандрыка (Воспоминания старшего сына)» на 86 страницах, трёхтомник «История моей жизни» на 295, 206 и 419 страницах соответственно, и «В тылу (Воспоминания очевидца)» на 19 страницах.

Семьи Орбели, Мандрыка и Гальпериных

Русудана Рубеновна скончалась в 1985 году. В отличие от мужа, она не оставила воспоминаний, и вообще была на удивление скромным человеком. Жизнь её прошла относительно незаметно для окружающих, в том числе и коллег, с которыми она долгие годы проработала в Институте востоковедения, куда вернулась после окончания войны, тихо продолжив заниматься письменными памятниками кавказских народов.

Однако поступки этой хрупкой женщины, призванием которой оказалось спасение и возвращение из небытия людей и рукописей, включая архив гимназической ученицы её матери, филолога Ольги Михайловны Фрейденберг (1890–1955), кроме всего прочего содержащий переписку с Борисом Пастернаком, достойны искреннего преклонения.

Р. Р. Орбели

Ведь, как было написано ранее, когда Анну Никольскую отправили в лагерь, и её мать покончила с собой, похоронные хлопоты «взяла на себя племянница покойной по мужу».

В блокаду для того, чтобы поддержать здоровье умиравшего отца, «Русудана... выменяла на хлеб все свое маленькое имущество».

После кончины Р.А. Орбели Русудана «вернулась в блокадный Ленинград для того, чтобы вывести в Москву его рукописи».

Благодаря Русудане Алексей Мандрыка «уверовал в себя, в таившиеся... силы, она раскрыла их и озарила существование в светлой темноте».

Осмелюсь также заметить, что на протяжении долгих лет Русудана Рубеновна не только поддерживала в жизни и творчестве слепого мужа и стойчески пыталась облегчить страдания неизлечимо больной матери, но и помогала преодолевать недуги собственной дочери, стоявшей на учёте в психоневрологическом диспансере и периодически подвергавшейся госпитализации в лечебницу №6 на Обводном канале.

Р. Р. Орбели с дочерью

Ольга Алексеевна Мандрыка

Ольга Алексеевна Мандрыка, о которой у меня сохранились самые тёплые воспоминания, умерла в 2007 году. Детей у неё не было. Но именно ей, наряду с её бабушкой и мамой, мы обязаны сохранением и передачей наследия Рубена Абгаровича Орбели, которое в будущем предстоит изучать поколениям историков.

СОПУТСТВУЮЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Буниатян М. А., Мкртчян Г. А. Страницы из жизни семьи Орбели (письма 1894–1936). — Ереван: Гитутюн, 2005. — 335 с.
2. Гальперин М. П. Киты меняют кожу: Воспоминания. — СПб.: НП-Принт, 2017. — 468 с.
3. Гиппиус З. Н. Петербургский дневник. М., Советский писатель, 1991. — 127 с.
4. Малев И., Подгорный И. Подвиг Алексея Мандрыки // Вечерний Ленинград, 12 февраля 1962. — С. 2.
5. Никольская А. Б. Неписанные истории. Алма-Ата, Казгослитиздат, 1963. — 112 с.
6. Никольская А. Б. Пропавшие письма. Алма-Ата, «Жазуши», 1968. — 316 с.
7. Никольская А. Б. Иннокентий Васильевич // Простор. — 1987. — № 9. — С. 133–152.
8. Никольская А. Б. Передай дальше! Алма-Ата, «Жазуши», 1989. — 272 с.
9. Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. / Сост., предисл. и примеч. Д. И. Стогова. / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2009. — 464 с.

10. Профессор Рубен Абгарович Орбели. Исследования и изыскания. — М-Л.: Речиздат, 1947. — 283 с.
11. РГИА, Ф.1006, Оп.1, Д.4; Д. 52; Д.60; Д.61; Д.65; Д.73; Д. 83; Д.84; Ф.1049, Оп.1, Д. 411; 417.
12. Следков А.Ю. Очерки истории водолазного дела. Книга 1. — СПб, ИПК «Гангут», 2011. — 324 с.
13. СПбФ АРАН, Ф.1104, Оп.1, Д.6; Д.8; Д.10; Д.11; Д.12; Д.13; Д.14; Д.21; Д.22; Д.25; Д.28; Д.31; Д.33; Д.41; Д.42; Д.43; Д.45; Д.46; Д.47; Д.50; Д.53; Д.70; Д.121; Д.123; Д.124; Д. 126; Д.127; Д.130; Д.131; Д.132; Д.139; Д.143, Д. 144; Д. 145; Д.155; Д.194; Д.231; Д.249; Д.251; Д.252; Д.256; Д.257; Д.258; Д.264; Д.265; Д.266; Д.267; Д.268; Д.269; Д.270; Д.271; Д.272; Д.273; Д.274; Д.275; Д.276; Д.281; Д.286; Д.288; Д.293; Д.296; Д.303; Д.304; Д.313; Д.332; Д.371; Д.377; Д.378; Д.385; Д.420; Д.478; Д.513; Д.518; Д.521; Д.522; Д.523; Д.524; Д.525; Д.526; Д.527; Д.541; Д.543; Д.544; Д.546; Д.547; Д.548; Д.549.

Следков Александр Юрьевич

РУБЕН — ОЛЬГА — АННА — РУСУДАНА

Редактор *Светлана Волкова*
Корректор *Ольга Перепёлкина*
Вёрстка *Светлана Шачнева*

Настоящее издание не имеет возрастных ограничений,
предусмотренных Федеральным законом РФ
«О защите детей от информации, причиняющей вред
их здоровью и развитию» (№ 436-ФЗ).

Охраняется законом РФ об авторском праве.

Издательство «Страта»
195112, Санкт-Петербург, Заневский пр., 65, корпус 5
Тел.: +7 (812) 320-56-50, 320-69-60
www.strata.spb.ru

Подписано в печать 20.01.2020
Тираж 500 экз.

Александр Следков —

историк, писатель и учёный. Житель Санкт-Петербурга. Основатель и руководитель Общества изучения истории водолазного дела им. Р. А. Орбели. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Автор шеститомного труда «Очерки истории водолазного дела», охватывающего период от древнейших времен до конца XX столетия, прозаических и стихотворных произведений. Лауреат Беляевской литературной премии и премии Союза книгоиздателей России. Научный консультант многосерийных документальных фильмов «История водолазного дела» и «Код Орбели». Доктор биологических наук, академик Петровской Академии Наук и Искусств. Автор более 180 научных работ, в том числе 15 монографий.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СТРАТА»